

Оксана Южанина

Крылья,
или Миром правят безумцы

Оксана Южанина

**Крылья, или Миром
правят безумцы**

«Автор»

2023

Южанина О.

Крылья, или Миром правят безумцы / О. Южанина — «Автор»,
2023

Книга написана в жанре параллельного романа. Действия разворачиваются до и после катастрофы, произошедшей на Земле. Кто и зачем уничтожил наш мир? Почему в Новом Мире существуют две противоположные реальности? ОНА родилась не такой, как все обычные люди. С детства ОНА была вынуждена жить в изоляции, под наблюдением врачей и спецслужб. Вопреки всем бедам, ОНА встретила любовь и нашла свое место в жизни. Но ЕЕ подставили и обвинили в преступлении... Сможет ли героиня спастись и выжить? Сумеет ли избежать смертельных ловушек и помочь другим людям? Кто станет хозяевами Нового Мира: люди, искусственный интеллект или пришельцы? Роман затрагивает вопросы важных человеческих ценностей.

© Южанина О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Лу	5
Глава 2. Лу. Рождение	8
Глава 3. Новое время	13
Глава 4. Лу. Жизнь в клинике	16
Глава 5. Рассуждения и воспоминания	20
Глава 6. Деревня и лес	22
Глава 7. Голос	25
Глава 8. Смерть и новая жизнь	27
Глава 9. Ожидание	31
Глава 10. Фантазии и реальность	33
Глава 11. Боль	38
Глава 12. Тайна	40
Глава 13. Шкаф	47
Глава 14. Крылья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Оксана Южанина

Крылья, или Миром правят безумцы

Глава 1. Лу

Лу открыла глаза: на потолке тускло мерцала лампочка. Лу посмотрела на окно: оно по-прежнему было заклеено толстой коричневой пленкой. Как-то Лу попробовала сделать небольшую дырочку в пленке, но у нее ничего не вышло. Пленка намертво приклеилась к стеклу. Невозможно отодрать даже маленький кусочек. Без вариантов. Лу села на кровать. Рядом, на тумбочке, стояла пластиковая бутылочка с жидкостью, а в прозрачной коробочке лежали ватные диски. Лу пропитала диски жидкостью из бутылочки, протерла лицо, шею, руки. Она умывалась этой жидкостью каждый день, но ясно помнила, что раньше она умывалась водой. Это было одно из сохранившихся воспоминаний Лу. Но теперь, после катастрофы, ей сказали, что водой пользоваться опасно. В здании, куда привезли Лу, не было ни одного крана. Это было очень странно. Даже если вода стала отравленной после трагедии – куда вдруг исчезли все краны из здания? Или это здание заведомо построили без кранов и водоснабжения? Но тогда ОНИ должны были знать о будущей катастрофе и заранее построить этот Центр.

Лу никому не верила. Она просила сотрудников Центра позволить ей посмотреть из окна на улицу. Но сотрудники убеждали Лу, что смотреть на внешний мир стало невозможно, опасно: можно ослепнуть. Сотрудница под номером 132 рассказала Лу, что, когда ученые работают для массового производства специальный шлем и очки, тогда будет можно безопасно смотреть на внешний мир.

Лу взяла с тумбочки почти невесомое силиконовое зеркало, посмотрела на себя: рыжие волосы и брови, белесых ресниц почти не видно. В зелено-серых глазах нежность, теплота и трогательность соседствовали со стойкостью, холодностью и явным присутствием силы воли. Небольшой, чуть вздернутый упрямый нос, облепленный веснушками. Красивые губы идеальной формы. Лу внимательно рассматривала себя в зеркало.

Женщина-врач с бейджиком номер 157 все время пребывания рыжеволосой пациентки в Центре наблюдала за ней и дала ей очередное задание. Лу должна была вспомнить свой возраст и дату рождения. Но она не помнила. Процедуры, уколы и таблетки не помогли вернуть память. Воспоминания были мизерными, обрывочными. Во сне она что-то видела, вспоминала, но, проснувшись, почти ничего не помнила.

Лу внимательно рассматривала свои веснушки. Рыжие пятна не вызывали приятных воспоминаний. Напротив, они ее раздражали, даже бесили. Она ухватила за это неприятное, раздражающее чувство. Закрывает глаза. И вдруг четко вспомнила: она наносила белый холодный крем на лицо, чтобы избавиться от этих рыжих пятен.

– Летом всегда так! – неожиданно произнесла Лу, поднялась с кровати и возбужденно заходила по комнате. – Сейчас лето... лето... там, за окном, – лето.

Лу вдруг так отчетливо вспомнила цветущий луг, с гудящими пчелами и надоедливими жирными мухами. Она увидела цветы – ромашки, колокольчики, васильки, дикуую гвоздику. Трава колыхалась от ветра. Лу видела впереди себя женщину в смешной соломенной шляпе и сарафане в мелкий горошек.

– Мама, мамочка, – тихо прошептала Лу. – Это ты, мама. Я помню. А веснушки появляются летом.

На стене комнаты, около двери, висел небольшой черный блестящий ящик с белой кнопкой. Лу была уверена, что в этом ящике встроена камера, через которую сотрудники Центра

наблюдает за ней. Но никому не высказывала своих предположений. Она подошла к ящику и нажала на белую кнопку.

- 157-я слушает, —раздался голос врача.
- Я кое-что вспомнила, – сказала Лу.
- Хорошо. Сейчас за вами придут.

Лу знала этот неприхотливый маршрут в кабинет врача под номером 157. Сначала ее проведут по длинному коридору с заклеенными окнами прямо до лифта. Потом они сядут в лифт. Сопровождающий охранник нажмет на кнопку X, и здесь начнется самое интересно: будет невозможно определить, куда движется лифт – вверх или вниз. Лу, естественно, задавала этот вопрос. Но ей не отвечали. В Центре вообще старались не отвечать на вопросы. Их только задавали и задавали.

Лу и невысокая девушка-охранница зашли в лифт. На охраннице надет черный комбинезон и такая же маска на лице. На поясе – шокер. Все охранники Центра ходят в черной форме. Врачи и медицинский персонал – во всех оттенках синего и голубого. Лу выдают оранжевую форму и такую же яркую маску. Она еще никогда не сталкивалась с людьми, одетыми в оранжевый цвет. Но была уверена: такие люди должны находиться в Центре. Они тоже спаслись. С ними тоже работают и хотят восстановить их прошлые воспоминания.

Лу посмотрела на охранницу. Девушка чуть заметно улыбнулась ей глазами.

- Как там? – не выдержала Лу. – Что там происходит, на улице?
- Я там не бываю.
- Но что говорят? Что вы слышите об этом?
- Мне все равно, что там. Неинтересно. Совсем. Лучше жить здесь. В безопасности. И не знать, что там. Я не хочу знать.

Двери лифта открылись. Лу покорно шла рядом с охранницей по длинному тихому коридору.

- Вы ничего не хотите знать? – вновь заговорила Лу.
- Абсолютно.
- Но можете узнать?

Охранница удивленно посмотрела на Лу.

– Вы могли бы узнать для меня? По секрету? Что там происходит за этими стенами? – быстро и тихо спросила Лу.

- Если я узнаю для вас, то я тоже стану об этом знать. А я – не хочу.
- Узнайте только одно – сейчас лето? Лето?
- Какая теперь разница? Теперь – все равно.

Охранница подвела Лу к кабинету, открыла дверь пластиковым ключом и впустила Лу к врачу.

Лу возбужденно рассказывала врачу 157 про веснушки, которые в большом количестве появлялись на ее лице летом. И о том, что она вспомнила соломенную шляпу и сарафан своей мамы.

– Как выглядит ваша мама? У нее тоже рыжие волосы? Какого цвета ее глаза? Где вы жили?

– Не помню, совсем не помню, – Лу сморщила лицо, старалась вспомнить, но никак не могла. – Доктор, посмотрите, сколько у меня веснушек. Они всю меня облепили. Сейчас лето? Да?

Врач 157 внимательно и скрупулезно рассматривала лицо Лу:

– Возможно, это не веснушки.

– А что??

– Химическая реакция на что-то. Или инфекция. Вы могли притащить ее оттуда, и она постепенно развивалась. Нужно наблюдать.

– Нет, доктор, нет! Это – веснушки! Мои веснушки. Я это точно знаю.

– Послушайте, Лу. И запомните. Теперь никто ничего не может точно знать! Вы до сих пор не вспомнили, сколько вам лет. Откуда вам знать, что это на вашем лице?

Лу была подавлена. Она понимала, что врач должна быть права. Веснушки могут быть обманчивым воспоминанием или даже галлюцинацией. А могут быть опасным смертельным вирусом. После катастрофы Лу перестала бояться смерти. Она страшилась новой катастрофы и боли. Опасалась, что к ней больше не вернется память, и она так и не узнает себя, не сможет найти своих близких. Лу не хотела такого чудовищного забвения. Она повернула лицо, чтобы врачу 157 было удобно соскрести образец ее «пятнистой» кожи. Глаза уперлись в шапочку врача, плотно закрывающую уши. Но Лу увидела, как шапочка слегка съехала набок и обнажила ухо врача 157. Она чуть не вскрикнула от неожиданности и страха, но сдержалась: это не было ухом человека! Большое, чуть прозрачное ухо, заросшее густыми жесткими волосинками, походило на ухо летучей мыши или какого-нибудь экзотического животного. Она закрыла глаза. Лу не хотела, чтобы врач поняла, что она увидела это ухо. Ей было необходимо успокоиться и подумать. По одной из её собственных версий, катастрофу устроили инопланетяне. Теперь она находится в их Центре. Над ней проводят опыты. Чтобы выжить и установить правду, нужно сохранять спокойствие. Увиденное ухо врача 157 еще сильнее убеждало Лу в ее догадках.

– Все. Я взяла образец вашей кожи, – сказала врач 157.

Лу открыла глаза. Шапочка врача плотно закрывала ее уши.

– А теперь, ложитесь в капсулу.

– Зачем?

– Представьте соломенную шляпу и сарафан вашей мамы. Вспомните, как вы гуляли по лугу. Возможно, ваш мозг раскроется, и вы вспомните что-то еще.

– Скажите, здесь, в Центре, еще есть такие, как я? Им удается вспомнить?

– Ложитесь в капсулу.

Лу залезла в капсулу, улеглась, но продолжала настойчиво спрашивать:

– Я могла бы с кем-то из них встретиться? С такими же, как я? Выжившими?

Врач 157-я молча, подключила клеммы с проводами к голове Лу.

– Доктор, почему вы не отвечаете на мои вопросы?

– Лу, вам так удобно?

– Удобно. Пожалуйста, хотя бы скажите, какой сейчас год! Сколько времени? И, если сейчас не лето, то что? Зима? Осень? Пожалуйста, не молчите!

– Хватит, Лу! – врач 157-я впервые повысила голос. – Больше ничего нет. Ни лета, ни зимы, ни осени. Ни-че-го.

– Как это? Такое возможно?

– Прекратите задавать вопросы. Просто вспоминайте свою прошлую жизнь, – врач 157 протянула мензурку с оранжевой таблеткой.

Лу проглотила таблетку. Верх капсулы автоматически закрылся.

Врач 157 подошла к монитору, по которому она наблюдала за пациенткой. Врач надеялась, что она, наконец, вспомнит, кем она была, и что происходило в ее жизни до катастрофы. Центр должен быть уверен, что Лу именно та рыжая женщина, которую они искали.

Глава 2. Лу. Рождение

Холодным сентябрьским вечером у Ольги, мамы Лу, начались схватки. Этого никто не ожидал. Ольга должна была рожать через два месяца, в ноябре. Она была совсем не готова к родам и запаниковала. Ольга с мужем Василием гостила в деревне у своей бабки Лукерьи. Они ходили в лес, собирали грузди, подорешины, рыжики и волнушки для зимних заготовок и солений. Василий в охотку латал бабке крышу да ездил с мужиками на рыбалку, отрывался перед возвращением в город и предстоящим рождением дочурки. Он планировал еще пару недель порыбачить под водочку и домашнюю закуску. А тут все разом накрылось медным тазом. Василий вез на машине стонущую жену в ближайший поселковый роддом по жирной, размякшей от дождя дороге и молился, чтобы не гикнуться в кювет. Ему было страшно: Ольга никаким образом не должна была рожать в этой глуши. Он скрывал свой страх, держался, как нормальный мужик, и как мог подбадривал жену. Василий даже сказал, что любит Ольгу. Несмотря на темноту, нескончаемый дождь и полностью убитую дорогу, они добрались до роддома.

Три месяца назад Василий бросил курить. Но тут не выдержал, сорвался и стрельнул сигарету и охранника. Роды длились и длились несколько часов. Василий сидел в машине и тупо смотрел на капли, бегущие по лобовому стеклу. Когда дождь утих, Василий вышел из машины, размял ноги, вдохнул полной грудью ночную сырость и зашел в здание роддома.

– Нет, ваша еще не разродилась. Такое дело. Нужно ждать, – дежурная администратор любезно улыбнулась Василию. – Вы лягте вон там, на кушетку. Поспите пока. Вам тоже силы понадобятся.

– Спасибо. Я в машине буду. Когда все закончится, сообщите?

– Приду к вам, папаша, не волнуйтесь.

Василий вернулся в машину и моментально уснул.

Через пару часов Василия разбудили яркий свет и странные звуки. Около роддома стояло несколько крутых черных джипов. Высокий мужчина, судя по всему какой-то важный начальник, отдавал по рации приказы и требовал, чтобы немедленно прислали вертолет. Василий вышел из машины, зажмурился от света фар джипов, бьющих в лицо. Отвратительное, мерзкое предчувствие о том, что внезапно нарисовавшиеся в этой глуши крутые парни находятся здесь из-за родов Ольги, настойчиво проникало в сознание Василия. Высокий мужчина с рацией увидел его и быстро подошел.

– Василий Золотов? Муж роженицы?

– Ага, я. Что происходит? Что с Ольгой?

– С вашей женой и дочкой все в порядке. Мы забираем их в Москву.

– Что?? Почему?

– Вам позже все объяснят.

– Да вы что?? Я должен их увидеть! – Василию казалось, что он вот-вот потеряет сознание, вырубится на хрен или двинет мужику в челюсть.

– Сейчас это невозможно. Больше никаких вопросов. Поедете со мной. Садитесь в ту машину.

Мужчина указал на джип. В небе раздался гул. Это подлетал вертолет. Василий закричал, чтобы его немедленно проводили к жене, и потребовал объяснений: что происходит? Мужчина с рацией молча кивнул своим помощникам. Они в момент усадили Василия в джип и велели заткнуться.

Он отчаянно хотел, чтобы время повернулось вспять, на год назад. Но понимал, что его фантазии нереальны. Ему было плохо, тошно, голова гудела. Он был совсем не готов ни к трудностям, ни к таким невременным жизненным поворотам. Теперь он пожалел, что Ольга

так быстро залетела после свадьбы. «Почему она родила через семь месяцев? А вдруг это не мой ребенок?» – Василия прошиб пот. За окном мелькали вереницы огней. Джипы черной стаей неслись по шоссе. Он посмотрел на парня, сидящего рядом, и произнес:

– Остановите. Я хочу выйти. Вы не имеете права.

Парень резко двинул локтем в живот Василия:

– Сиди тихо!

Василий ощутил, как острая боль распространяется по всему телу. Он закрыл глаза и всю дорогу не проронил ни звука.

Ольга очнулась и медленно осмотрелась. Огромная светлая палата, как бальный зал. На окнах – тонкие льняные шторы. Очень чисто. Просто суперстерильно. Незнакомый, но очень приятный запах свежести. Идеально ровные стены нежно-салатного оттенка. Ольга облизала пересохшие, потрескавшиеся губы и подумала, что не узнает палату роддома. Она отчетливо помнила облупившуюся краску на стенах и грязно-желтые разводы на потолке. Ей хотелось пить. Женщина приподнялась на локте, увидела рядом, на столике прозрачный графин с водой. Она хотела встать, но все ее тело загудело и словно внезапно проснулось от резкой пульсирующей боли. Ольга откинулась на подушку.

– Кто-нибудь! Сестричка! – голос прозвучал тихо.

Она вспомнила о своей дочурке. Эти воспоминания вмиг отозвались тупой болью в груди: они до отказа наполнены молоком. Соски набухли, их просто разрывало. Ольга застонала и опять позвала медсестру. Ей хотелось пить. И плакать. Ее малышка отказалась брать грудь. А потом появились все эти люди. Мужчины из какой-то крутой организации. Главный из них помахал перед лицом Ольги удостоверением, но она ничего не смогла прочесть. Тот ничего не объяснил, только задавал тупые вопросы. Ольга сразу поняла, что с малышкой что-то не так.

Она застонала. Наконец, прибежала медсестра. Она напоила бедняжку водой и помогла ей сцедить из груди жирное густое молоко. Ольга еле сдерживалась от боли и вдруг ощутила облегчение.

– Сестра, что с моей доченькой? Где я? Меня увезли из роддома? Я что-то начинаю вспоминать...

– Пожалуйста, отдыхайте. Скоро вам все объяснят.

Ольга схватила медсестру за руку, просто впилась в нее:

– Что с моей дочкой? Скажите, умоляю.

– С ней все в порядке, —уверенно и спокойно ответила медсестра.

– Помогите мне связаться с мужем, пожалуйста.

Медсестра не успела ответить. В палату ввалилась целая делегация врачей – человек восемь-десять. Они окружили Ольгу, стали спрашивать о хронических болезнях женщины и ее родственников.

– Кто-нибудь из вашей семьи работал на химическом производстве? Или на радиоактивном объекте? – профессор Сомов внимательно разглядывал Ольгу и делал записи в планшете.

– Нет.

– Вы веган?

– Нет.

– Во время беременности употребляли мясо?

– Да. Ела.

– Курите?

– Нет.

– Что с алкоголем?

– Ничего! Я вообще не пила спиртное, как узнала, что жду ребенка.

– Таблетки, наркотики?

– Конечно, нет!!

Сомов наклонился к Ольге, не отрываясь, смотрел ей прямо в глаза холодным рентгеновским взглядом:

– А теперь, Золотова, очень внимательно подумайте и ответьте: вас похищали?? Может, в детстве? Может, недавно? Происходило что-нибудь странное? Необъяснимое?

– Я не понимаю, профессор, – Ольга была готова разрыдаться.

– Вас похищали инопланетяне?!

– Что с моей дочкой?! Что с ней?! – горячие соленые слезы текли из Ольгиных глаз.

– Возможно, вас похищали. Но вам казалось, что все это снится. Ольга, вспомните, вы видели какие-то странные сны?

– Ничего такого не помню, — всхлипнула Ольга, — умоляю, скажите правду, что с моей девочкой... она больна?

– Ваша малышка абсолютно здорова, — врач Алла Касьянова, приятная женщина 35 лет, по-свойски погладила Ольгину руку и улыбнулась, — абсолютно здорова. И это удивительно! Ведь ваша малышка появилась раньше срока. Она в полном порядке, несмотря на НЕКОЕ обстоятельство.

– Какое обстоятельство?!

Профессор Сомов и Касьянова привезли Ольгу на кресле-каталке в специально оборудованное помещение, где находилась новорожденная. Сомов продолжал задавать вопросы:

– Во время пандемии вам ставили вакцину?

– Нет.

– А вашему мужу?

– Вася сделал две дозы.

– Вы болели каким-то из вариантов ковида?

– Нет. А Вася болел. Омикроном. В легкой форме. Он изолировался от меня.

– Оля, решили, как назовете девочку? – спросила Касьянова.

– Лукерей. Как мою бабушку. Сокращенно – Лу.

– Лу! Прелестно.

Новорожденная девочка лежала в специальном боксе. Она не выглядела недоношенной. Ее вес и рост соответствовал необходимым стандартам девятимесячного доношенного ребенка. Лу мирно спала лежа на животе. Пеленки прикрывали ее тельце, оставив открытой позвоночную часть. Ольга с трепетом и волнением разглядывала дочку. Ее сердце сжималось от восторга и любви.

– Лу, моя малышка. Это я, твоя мама. Моя родная, красавица, – Ольга перевела взгляд на Касьянову. – Это самый прекрасный ребенок в мире. Так что же с нами не так? Почему мы здесь? Почему я не могу взять ее на руки?

– Ваша дочь родилась с крыльями! – громко и четко произнес профессор Сомов.

Ольге показалось, что она не так расслышала или у профессора такая странная манера шутить. Но Сомов повторил про крылья. А Касьянова утвердительно кивнула и направила на девочку лампу. Из спинки малышки торчали еле заметные, практически прозрачные, словно сделанные из слюды, крылышки, по форме похожие на крылья стрекозы.

– Я не понимаю, — прошептала побелевшая Ольга.

– Мы тоже, — сказал Сомов.

– Как же теперь... что делать, профессор?

– Пока остается только одно – наблюдать.

Ситуация не вписывалась ни в какие стандарты, выходила за рамки понимания. Ольга страдала. Ее любовь и нежность к малышке тесно переплетались с состоянием паники и ужаса.

Накатывающие мысли о будущей жизни вводили в ступор. Желанное рождение девочки в один миг разрушило планы, которые они рисовали себе вместе с Василием. Но Ольга не из тех женщин, кого может сломить непредвиденная ситуация и поглотить панические атаки. Она рассудила, что у многих семей ситуация гораздо сложнее: у кого-то рождаются детки с серьезными заболеваниями и патологиями, но люди живут и борются за здоровье детей, не раскисают, ищут и находят выход из ситуации. Ведь самое главное – ее желанная любимая доченька Лу родилась здоровенькой. Конечно, она понимала, что теперь придется полностью перестраивать всю свою жизнь. Ночами Ольгу душили понятные страхи, ведь ее малышка не сможет жить в обычной социальной среде, вместе с другими детьми. Если Лу впоследствии начнет летать, это будет совсем небезопасно в их небольшой тесноватой квартире, да и в самом городе не полетаешь. Ольга прекрасно понимала, что ей придется целиком и полностью посвятить свою жизнь дочке. Она знала, что никогда не откажется от нее, с какими бы трудностями им ни пришлось столкнуться. Она была уверена, что окружающие люди, а особенно дети, будут насмехаться над Лу, обзывать ее, возможно даже издеваться. Этого нельзя было допустить. Ольга видела только один выход – переезд в деревню, к бабушке. Именно там, на бескрайних просторах, Лу сможет расти и летать. Она сама сможет дать ей начальное образование. Для заработка Ольга будет шить, а квартиру в городе можно сдавать. Она умела хорошо шить. Чтобы занять себя реальным делом и избавиться от пугающих мыслей, она стала рисовать эскизы одежды для детей с крыльями. Теперь Ольге было необходимо все обсудить с мужем. Она была уверена, что Василий примет ее предложение. Другого выхода нет. Вася – сильный рукастый мужик, он может и машину починить, и дом построить. Такой мужик нигде не пропадет.

Целый месяц после рождения дочки Ольга так и не видела мужа. Они общались по мобильнику. Говорили немного и коротко. Ольга чувствовала, что Вася вроде как стесняется аномалии их дочки. Но она была уверена, что его любовь и отцовские чувства мгновенно проснутся, как только он увидит малышку.

В назначенный день Ольга с волнением ожидала приезда мужа в клинику. Врач Касьянова по-женски и по-человечески переживала за молодую мамочку. Она подарила ей платье из светло-серой шерсти для достойной встречи с мужем.

– Что вы, не надо, – Ольга смутилась и пыталась отказаться от подарка.

– Ты не можешь встретить мужа в больничном халате! Он тебя целый месяц не видел. И вообще, запомни: никогда, ни при каких обстоятельствах не встречай мужа в халате.

Ольга надела платье, подкрасила ресницы и слегка добавила румян. По распоряжению Касьяновой, её комнату немного преобразили: добавили вазу с цветами, картины на стены, скатерть на столик, веселый чайный сервиз. Стало намного уютнее, по-домашнему.

– Оля, тебе сообщили, что твой муж может остаться здесь до утра?

– Да, спасибо.

– Завтра утром я с ним побеседую.

– Я скажу Васе.

Касьянова улыбнулась, обняла Ольгу за плечи:

– Все будет хорошо.

– Я знаю.

Когда муж приехал, Ольга не выдержала, заплакала, прижалась к нему. Василий боялся женских слез и утешать не умел.

– Как сама? – быстро спросил он и огляделся.

– Нормально, – она утерла слезы. – Будешь чай?

– Можно.

Они молча пили чай. Василий сидел к жене полубоком, смотрел куда-то в сторону, явно не хотел встречаться с ней взглядом.

– Все будет хорошо, Вася. Никакого горя-то у нас нет. Так, трудности. Испытания. Как у всех. Мы вместе справимся, Вась. Пойдем, покажу тебе нашу малышку.

– Я говорил с профессором, —Василий по-прежнему не смотрел на Ольгу, —спросил у него, можно ли их отрезать... крылья эти... Сомов сказал, что она может не пережить операцию. Крылья связаны с позвоночником.

Ольга удивилась, что Василий задал профессору вопрос, который вообще не приходил к ней в голову. Она внимательно посмотрела на мужа: похудел, осунулся, нервно теребил пальцы. Поза и выражение лица Василия явно говорили о страдании и закрытости. Он стыдился всей этой ситуации, стыдился своего нестандартного ребенка.

– Вася, пойдем к нашей девочке. Ты увидишь, какая она красавица. На тебя похожа...

Василий резко вскочил и наотмашь, с силой ударил Ольгу в лицо. Она не удержалась и упала вместе со стулом.

– Хватит врать! Я не могу быть ее отцом! Это не мой ребенок! От меня не может родиться ТАКОЕ!

Кровь и слезы заливали Ольге лицо.

– Вася, у меня, кроме тебя, ни с кем не было. Это – твоя дочка. Клянусь.

– Заткнись! Профессор задавал мне много интересных вопросов. У тебя реально мог быть секс с инопланетянином. Или с каким-нибудь мужиком с секретного военного объекта!

– Никого, кроме тебя... поверь, сделай тест ДНК.

Ольга не помнила, как Василий ушел. Она тщательно умыла лицо, сама помыла заляпанный кровью пол, потом всю ночь просидела около окна, тщательно обдумывая свою будущую жизнь.

Касьянова, узнав об инциденте, приехала к Ольге как можно раньше.

– Оля, твоего мужа можно понять. Он пережил шок. Они гораздо слабее нас, женщин.

– Вася мне не верит. Поднял на меня руку.

– Он сам не ведал, что творил. Поверь, Оля, я много чего видела в подобных ситуациях. Твой Вася уже жалеет, что натворил.

– Он даже не захотел увидеть дочку.

– Один мужчина хотел сына. Но родилась девочка. Нормальная девочка, без патологий. Отец не приближался к ребенку целый год. Целый год он не мог смириться, что жена не родила ему сына. Олечка, у мужчин в мозгах все устроено по-другому. А у вас крайне нестандартная ситуация. И ведь впереди – полная неизвестность. Мы не знаем, как будет развиваться малышка. Мы должны быть готовы ко всему. К сожалению...

– Что вы имеете в виду??

– У нас нет никаких гарантий на счет Лу. Мы не знаем, как развиваются крылатые дети и сколько они живут. Ты не сможешь вырастить ее сама. Вы еще с мужем такие молодые...

– К чему вы клоните?

– Оставьте девочку в нашей клинике. И начните с мужем все сначала. Как будто ничего этого не было.

Ольга смотрела на Касьянову глазами, полными слез:

– У вас есть дети? Вы носили ребенка? – чуть слышно спросила она.

– Это не имеет никакого значения к моему предложению.

– Еще как имеет. Вы не носили ребенка. И не можете меня понять. Я не откажусь от Лу. Я люблю ее. Не смогу без нее жить.

– Хорошо, Оля. Мы пройдем этот путь вместе. А с твоим мужем я проведу беседу.

– Не надо. Вася уже сделал свой выбор.

Глава 3. Новое время

Врач 157-я внимательно перечитывала свой отчет о наблюдениях и проделанной работе с Лу. К отчету прикреплялись сканы частей тела и внутренних органов пациентки. Врачи так и не нашли у Лу признаков крыльев. На ее позвоночнике имеется старый шрам, но он ничего не доказывает. Благодаря лекарствам и сеансам Лу отчетливо вспомнила свою семью. Ее мама была учителем рисования, отец – военным летчиком. Эти воспоминания подтвердили, что «объект под именем Лу не является бывшей пациенткой профессора Сомова и доктора Касьяновой и не представляет дальнейшего интереса для Центра». Врач 157-я сняла с головы шапочку и быстро-быстро почесала свое волосатое ухо. Ей хотелось избавиться от Лу и работать с выжившими пациентами – участниками мирового эксперимента. Она сама была частью этого эксперимента. И гордилась этим. Во время катастрофы были уничтожены информационные базы, все фотографии и личные данные. Электронные паспорта и прочие документы не подлежали восстановлению. Доступы к военным базам и объектам самоликвидировались. Всех выживших было необходимо идентифицировать и рассортировать. Обнаруженных участников секретного эксперимента оставляли в Центре. Всех прочих переводили в место под названием «перекресток». Где находилось данное место и что там происходит, 157-я не знала. Но она прекрасно понимала, что прежней жизни уже не будет ни у кого. Нужно выстраивать новую карьеру и вписываться в реалии нового времени. 157-я еще раз громко почесала ухо и решила указать в отчете, что Лу не только неинтересна Центру, но и опасна, так как задает слишком много лишних вопросов. В подтверждение своих слов 157-я приложила видеозапись, на которой Лу интересуется у охранницы временем года.

Лу колотила нервная дрожь. Память постепенно возвращалась к ней, медленно, по крупицам. И эти воспоминания жгли, как огонь. Лу не хотелось помнить многие моменты из своей прежней жизни. Они пугали ее. Лу подумала, что ей лучше было умереть во время катастрофы или навсегда лишиться памяти. Она была рада одному: она смогла скрыть правду о себе, и врачиха 157 со звериным ухом этого не просекла.

Дверь открылась, в комнату вошла сотрудница 132.

– Привет, Лу, – дружелюбно сказала она.

– Привет, 132. Как дела? Шлем для выхода во внешний мир еще не появился?

– Нет, пока ничего не говорят.

– А как ты узнаешь новости? Из интернета? По телевизору?

– Вот твои таблетки! – нарочито громко сказала 132-я. И зашептала:

– Интернета и телека больше нет.

Лу еле скрыла удивление, взяла у 132-ой банку с таблетками и прошептала в ответ:

– А как же ты узнаешь новости?

– Нам сообщают. Здесь, в Центре.

– И что сообщили о катастрофе? Произошел взрыв? Земля столкнулась с другой планетой?

– Рассматриваются разные версии. Ученые и военные не пришли к единому мнению.

Ведется расследование. Приятного аппетита, Лу.

– Подожди, 132-я. Я сегодня вспомнила, что раньше мы ели разную еду, а не таблетки.

Кашу, суп, картошку, овощи, жареную курочку и еще много чего разного. Ты это помнишь?

– Конечно.

– Было здорово, да?

– Совсем наоборот, Лу. Это был ужас. На покупку продуктов, затем на готовку еды тратилась куча времени и сил. На все были нужны деньги. Их очень тяжело зарабатывали и тут же все до копейки тратили на еду.

– Помнишь, как пахли пироги? Я любила сладкие. С малиной. – Лу даже зажмурилась от приятных воспоминаний, почувствовала выделение слюны.

– В таблетках есть все необходимые витамины и микроэлементы для здоровой жизни. Никто не хочет прошлого.

– Правда?

– Заморачиваться с готовкой, с горой грязной посуды. Постоянно думать о деньгах и счетах. Все, кто выжил после катастрофы, стали свободными от быта! Спасибо за все Высочайшей Фарме!

Лу удивленно посмотрела на восторженное выражение лица 132-ой:

– Вы реально довольны этой новой жизнью?

– Мы же счастливики, Лу. Мы – выжили. Мне пора. Приятного аппетита.

132-я быстро скрылась за дверью. Лу без всякого удовольствия проглотила таблетки, села на кровать и с ненавистью посмотрела на окно, заклеенное коричневой пленкой. Лу была в отчаянии. Она не хотела провести остаток своей жизни в этой крохотной комнате, в полном одиночестве, глотая постылые таблетки, не имея возможности увидеть мир за окном. Но был ли там прежний прекрасный мир? Лу допускала, что земля превратилась в пустынное мертвое место, в безжизненное, погрязшее в темноту пространство. Лу представила, как на черной пересохшей земле, словно покрытой рубцами и шрамами, стоят голые скелеты мертвых деревьев. Не доносится ни единого звука. Ни шелеста листьев, ни хлопанья крыльев, ни шагов. Мертвая тишина. А над пустынной плоской землей висит тусклый диск солнца, я рядом с ним – луна.

Лу заплакала. Раньше она всегда рвалась в будущее. А теперь впервые за всю свою жизнь она мечтала вернуться в прошлое. Но это невозможно. Как стало невозможным для Лу оставаться в этом месте. Она решила выбраться отсюда любой ценой. Узнать правду о том, что произошло и что на самом деле происходит сейчас. Лу вспомнила, как до катастрофы люди каждую минуту, постоянно получали огромное количество информации из самых разных источников. Очень часто одна новость полностью противоречила другой, и было невозможно разобраться в постоянно меняющемся потоке событий. Люди переставали верить информационным сообщениям, ведь половина из них была откровенной ложью или фейком. Верить было можно только своим собственным глазам. Именно тогда, до катастрофы, Лу окончательно перестала верить новостям и людям. Но она понимала, что и теперь никто и ничто не помешает выжившим обманывать друг друга. Ведь и сама Лу с целью самосохранения решила скрыть в Центре правду о себе.

Внезапно замигал свет. Потом выключился совсем. Лу встала, направилась к двери. Свет включился и замигал снова. Лу услышала шум за дверью, по коридору сотрудники Центра бежали и что-то кричали. Лу постучала в дверь:

– Что происходит? Откройте!

Свет мигал. Ей никто не отвечал. Внезапно свет вырубился. Лу быстро толкнула дверь и оказалась в коридоре. Не раздумывая, она пошла вперед, в сторону лифта. Свет замигал в очередной раз. В коридоре, за поворотом, раздался крик мужчины. Лу резко изменила маршрут, побежала на крик. В мигающем свете она увидела мужчину в таком же оранжевом костюме, как у нее самой. Мужчина боролся с охранниками, пытался вырваться от них. Лу бежала к дерущимся:

– Не бейте его! Отпустите!

Мужчина среагировал на ее крик. Он и Лу встретились взглядом. Эта заминка позволила охранникам вырубить мужчину, надеть на него наручники. Прибежавшая охрана и 132-я быстро повели Лу в ее комнату.

– Свет вырубился, и дверь открылась сама, – объясняла Лу. – Я думала, все, капец – новая катастрофа. А что на самом деле случилось?

Никто не ответил Лу. Возбужденный охранник ткнул ее в спину, чтобы она замолчала и шла быстрее. Свет продолжал мигать.

– А если так всю ночь? Дверь снова откроется, – обратилась 132-я к охране.

– Не тупи! – злобно огрызнулся охранник. – Дашь ей снотворное. И наручниками к кровати. Или совсем тупая?

132-я почувствовала себя униженной, прикусила губу.

Когда они остались одни в комнате, Лу зашептала:

– Не обращай внимания на этого козла. Он сам тупой придурок. Если надо, пристегни меня наручниками.

– Спасибо, Лу. Извини.

– Ничего. Не парься, — Лу покорно улеглась в кровать. – 132-я, ты в курсе, что произошло? Кто тот мужчина в оранжевом?

– Он сумасшедший, Лу.

– Сумасшедший?

– Конечно. Он хотел сбежать отсюда. Форменный псих.

Лу смотрела на потолок – свет продолжал мигать. Она вспомнила глаза мужчины: они были живые, наполненные отчаяньем. Его взгляд был осмысленным. Он не был похож на взгляд зомби, как у охраны или 132-ой. Теперь Лу точно знала, что она не одна. Но это знание пока ничего не меняло. Лу понимала: кому-то из пленников Центра удалось повредить систему защиты дверей. Она улыбнулась. Мысли путались из-за снотворного, проваливались в небытие. Лу вспомнила маму и с новой неистовой силой захотела оказаться в прошлом.

Глава 4. Лу. Жизнь в клинике

Ольга и Лу остались жить в клинике. Василий потребовал у жены развод. Потом он уехал куда-то далеко, на Крайний Север. Пару раз прислал деньги, затем окончательно пропал, слился. Оля втайне ото всех сотрудников клиники, и особенно от Касьяновой, скрывала, как сильно она тоскует по бывшему мужу, как старается выбросить его из своего сердца, но никак не может. Особенно мучилась ночами: медицинское учреждение и казенная кровать не могли заменить уют семейного дома. Все свое время она отдавала дочке, занималась с ней и помогала Касьяновой вести наблюдения. Но Касьянова понимала, что молодой женщине необходимо иметь «собственную опору» и дело для души и заработка. И она подарила Ольге швейную машинку. Ещё помогла устроиться в ателье на договорных условиях к одному модному столичному дизайнеру.

Алла Николаевна Касьянова и Ольга вместе пережили самое трудное время – первые три года малышки. Они никак не могли справиться с ее крыльями, вернее, не могли научить контролировать ее внезапные полеты и правильно летать. Лу развивалась прекрасно. В шесть месяцев она начала ползать, а в восемь с половиной пошла. До года у нее не было никаких позывов к полету. Профессор Сомов, тщательно осматривая крылья Лу, предположил, что они могут самостоятельно «отмереть, отпасть», как молочный зуб или атавизм. Ольга молилась, чтобы это было правдой. Но крылья не отпали. Когда Лу исполнился год, она стала ими шевелить. А если она была чем-то недовольна или злилась, потому что ей не давали конфетку или любимую игрушку, девочка активно хлопала крыльями и кричала. В эти моменты Ольга страшно переживала, что дочка сделает себе больно или поранится, и тут же давала дочке все, что она требовала.

– Не делай этого, Оля, – возмущалась Касьянова, — таким образом ты избалуешь ее.

– Ну и что? Это никому не помешает, не навредит. Моей Луше всю жизнь придется жить одной. Кроме меня, ее никто не станет баловать.

Иногда Лу внезапно взлетала и зависала у самого потолка. Было очевидно, что у малышки выходит это спонтанно, и она не умеет управлять собственными крыльями. Бедняжка, не зная, как ей вернуться вниз, громко и отчаянно рыдала под потолком. Когда начались эти первые неконтролируемые полеты, пол в помещении затянули специальным покрытием, чтобы в случае падения Лу не разбилась и не пострадала. А к телу Лу прикрепили датчики, сообщающие о полете девочки. В подобных ситуациях Касьянова или сотрудники клиники немедленно прибегали к Лу, поднимались вверх по стремянкам и спускали «крылатое создание».

– Мы учим детей ходить, говорить, пользоваться вилок и ложкой. Учим их буквам. Потом из букв складывать слоги и слова. Пользоваться руками и пальцами: извлекать музыку, лепить из глины, рисовать. Но что делать с крыльями? – Касьянова посмотрела на Ольгу и вздохнула. – Я придумаю «азбуку» для Лушиных крыльев.

– Правда?

– Я работаю над этим. Изучаю необходимую литературу, исследования. Даже не у всех птиц первые полеты проходят на нужном уровне. Птенцы падают, ощущают боль. Всем детям необходим пример матери. В дикой природе птицы учатся летать сами. Но есть птенцы, рожденные в неволе. Сначала их учат летать с малой высоты. Потом увеличивают расстояние. Самый лучший способ – подкинуть птенца в воздух!

– Но Луша не птенец! Ты подбросишь ее вверх, и она испугается.

– Птенцов это тоже пугает. Затем они привыкают. И могут контролировать свой полет.

Но все эксперименты Касьяновой проваливались. Все научные исследования и наблюдения за обучающими полетами птенцов никак не форматировались с человеком. Касьянова делала запросы в научно-исследовательские институты разных стран и в частные клиники по всему миру, где проводились наблюдения и исследования людей, рожденных с необычными патологиями. Она надеялась получить информацию о людях, рожденных с крыльями. Касьянова была уверена, что Луша не единственный крылатый ребенок. Но со своей стороны, она не делилась никакими сведениями о своей необычной пациентке.

Время шло, но никакой информации о людях с крыльями не поступало. Полеты Луши по-прежнему были неуправляемы и опасны.

Лу обожала Аллу Касьянову, всегда активную, энергичную, веселую, спортивную. Луша называла Аллу «Ла», всегда слушалась ее, ждала ее новых игр, которые Ла постоянно придумывала. Лу любила забраться к Касьяновой на колени, трогать ее очки или небольшую сережку в ухе и тихонько лепетать:

– Лу любит Ла. Лу и Ла. Лу и Ла.

Ольга ревновала свою малышку к Касьяновой, но не показывала вида. Женщина привыкла терпеть. Она мечтала о том, что Лу научится управлять крыльями, подрастет, окрепнет и они рано или поздно уедут жить в деревню, на простор и волю.

Лу нравилось жить в клинике, другой жизни она не знала. Ей нравилось убегать от мамы или Ла, носиться по длинным коридорам, прятаться под большой лестницей или на кухне, где повар давал девочке румяный пирожок. Лу нравилось, когда перепуганная мама или сотрудники искали ее. Иногда она гуляла в саду клиники, заросшем мхами, папоротником, шиповником, хвойными деревьями и больше напоминавшем кусок леса. Но девочка не особо любила гулять на улице: деревья, трава, запахи и птицы пугали ее. На прогулке она никогда не отходила от взрослых и с радостью торопилась обратно в клинику, в свой дом. Лу узнавала о внешнем мире и его обитателях из книг, энциклопедий, интернета и телевизора. Она знала, что в клинике еще живут другие дети, и однажды попросила Касьянову разрешить ей поиграть с ними. Алла познакомила ее с мальчиком Петей, с большими странными глазами. Он показал Лу свой третий, «тайный глаз», скрывающийся под густой шевелюрой. Она в ответ похвасталась своими крыльями, совсем незаметными из-за фасона платья, придуманного Ольгой. Петя очень грубо отреагировал и схватил Лу за крыло. Она ощутила невероятную боль в спине и закричала. Но мальчик не отпускал крыло, дергал его, пытался вырвать. Лу отталкивала его руками, звала на помощь. Касьянова вбежала в комнату, увидела, что происходит, и закричала:

– Лети! Лети! Вверх!

Лу подпрыгнула, ощутила легкость, тут же оторвалась от пола и ударила Петю ногой в грудь. Он упал. Лу порхнула вверх, умело обогнула люстру и выпорхнула в коридор. Она быстро и уверенно летела к своей комнате, своему убежищу. Касьянова бежала следом за ней по коридору и громко радостно говорила:

– Молодец, Лу! Ты сделала это! Ты умеешь летать! Сама!

– Я ненавижу летать! – закричала Лу, когда вернулась в свою комнату и легла на кровать, лицом к стене. – Я ненавижу летать, ненавижу свои крылья! И этого гадкого мальчика. И вас всех.

– Лу, девочка моя, успокойся. У тебя замечательные крылья. Это – твое спасение. Твоя уникальность. Индивидуальность. Такие крылья только у тебя.

– Они мне не нужны. Забери их себе! – плакала Лу. – Ни в одном фильме ни у кого из детей нет этих поганых крыльев.

Когда Ольга узнала о произошедшем, то прорыдала всю ночь.

Лу очень не любила, когда собирался консилиум и врачи с особой тщательностью осматривали ее спину и крылья. Ее раздевали до трусов, рассматривали, трогали, сканировали. В эти минуты Лу ощущала себя несчастной, униженной. Врачи и профессора сюсюкали и заискивали перед ней, просили показать, как она летает. Но Лу назло, из принципа не хотела взлетать при них и говорила, что она не умеет, все забыла. Однажды, когда Лу исполнилось 10 лет, на очередной осмотр-консилиум привели несколько студентов медицинской академии. Лу сразу обратила внимание на красивого парня-студента и была готова умереть из-за своего ничтожного вида девочки с неразвитой грудью, в одних трусах, с дурацкими крыльями. Пока все рассматривали Лу и задавали вопросы, она видела, как девушка улыбалась красивому парню, строила ему глазки и как-то слишком пренебрежительно и даже брезгливо кивала в сторону Лу.

– Что тебя интересует, Лу? – спросил седовласый профессор, — Чем ты любишь заниматься?

– Люблю смотреть фильмы.

– А какие фильмы тебе нравятся?

– Про животных. И про любовь, – ответила Лу и выразительно посмотрела на красивого парня.

Он тут же по-доброму улыбнулся Лу. Девочка улыбнулась ему в ответ и вдруг ощутила, что ноги слегка оторвались от пола. Лу резко остановила свой внезапный порыв. Она не желала летать при всех этих людях, и особенно при этой девице, не спускающей глаз с парня.

– Лу, а кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – не унимался любознательный профессор. — А, деточка?

– Я стану актрисой, — уверенно произнесла Лу.

– В цирке? – этот дурацкий вопрос задала та самая девушка, сидевшая рядом с красавцем.

– Нет, не в цирке. Я буду сниматься в кино. Играть в театре.

Лу видела, как все смотрят на нее с сожалением, как на несчастное забитое создание, непригодное для работы в театре и кино и для обычной жизни тоже. Она была продвинутым ребенком и знала, что в прошлые века в цирке любили демонстрировать людей с уродствами и патологиями. Лу казалось, что она такой же уродец с крыльями. И сейчас ее разглядывали, словно в цирке.

Лу с облегчением вздохнула, когда осмотр был закончен. Она не ушла в свою комнату, как обычно, а спряталась в коридоре. Лу тайком наблюдала за красивым студентом, от которого ни на шаг не отходила девушка. Затем студенты вышли из клиники на улицу. Лу незаметно последовала за ними. Красавец парень и девушка оторвались от общей группы, скрылись в зарослях сада клиники. Лу шла за ними по пятам. Она слушала, как девица обсуждала ее крылья и сокрушалась, что у них взяли подписку о неразглашении и таким фантастическим феноменом нельзя ни с кем поделиться. Затем девица остановилась около старого толстого дуба и положила руки на плечи парню. Лу с замиранием сердца наблюдала, как они стали целоваться, как девица прижималась к парню и слегка стонала. У нее самой от волнения и возбуждения заколотилось сердце, в груди пылало, лицо горело от накатывающего жара. Ей было страшно и стыдно тайно наблюдать за поцелуями и страстными объятиями студентов, она хотела убежать, но ноги словно прилипли к земле. Лу видела, как парень схватил девушку за грудь, и она говорила: «Да, да, еще, ласкай меня... мне так хорошо... да, да...» После этих слов парень словно обезумел, его глаза помутнели, в них появился животный блеск. Он стянул с девушки тонкий свитер, а она сама уже снимала с себя бюстгальтер и возбужденно дышала. Парень взял в обе руки груди девушки и стал по очереди облизывать ее соски. «Он лижет ее, как собака», – подумала Лу, сорвалась с места и побежала вглубь сада. Студенты шарахнулись друг от друга, увидели рыжие волосы, мелькающие сквозь кусты, и поняли, что Лу все видела. Девушка подняла с земли свитер, быстро надела его прямо на голое тело, сунула в сумочку бюстгальтер и

побежала прочь от парня. Красавчик был в полной растерянности. Возбуждение от поцелуев и запаха голого тела девушки еще не прошло. Но он понимал: Лу, убежавшую в чашу, необходимо догнать, привести обратно в клинику. И сделать все возможное, чтобы она не сдала его Сомову или Касьяновой. Красавчик знал, что его могут отчислить за неподобающее поведение на территории клиники. Он представил гневный испепеляющий взгляд отца – начальника вневедомственной охраны МВД – и побежал следом за Лу.

– Луша! Лу! Стой! – закричал он, не спуская взгляда с мелькающего рыжего роя волос.

Но красавчик не смог найти Лу. Она спряталась в сухом дупле старой липы, треснувшей после сильной молнии, ударившей в нее пару лет назад. Лу видела растерянный взгляд студента, его трясущиеся губы, слушала его запинаящийся голос, когда он сообщал по мобильнику, что мимо него пробежала девочка-пациентка и скрылась где-то в глухой части сада. Лушу искали. Она тихо торжествовала, что никто не может ее найти. С этого момента Лу полюбила сад, заросли деревьев. Девочка перестала бояться живой природы. И больше не хотела оставаться в клинике. Лу стала яростно сопротивляться любым осмотрам. Она больше не хотела испытывать унижения за свое уродское тело. И страстно мечтала, чтобы вместо дурацких, никому не нужных крыльев у нее выросла прекрасная грудь, как у той девушки-студентки. Девочка хотела, чтобы красавчик студент трогал ее за грудь вместо того, чтобы рассматривать и изучать ее крылья.

Лу срывала все последующие проведения медицинских наблюдений и испытаний. Она стала просто невыносимой, неуправляемой. Она больше не слушалась никого, даже Аллу Касьянову. Лу похудела и осунулась, можно сказать, «таяла прямо на глазах». Ольга больше не могла выносить страданий дочери. Она попросила Касьянову отпустить их из клиники. Алла уговаривала остаться, перетерпеть этот сложный период. Она была уверена, что Лу не сможет адаптироваться среди людей, но Ольга твердо решила уехать в деревню, иного выхода она не видела. Директорат клиники моментально согласился закрыть «Проект Лу», и выделенные на него средства были тут же переброшены на другие нужды. Но Касьянова прикипела к Лу, она не могла вот так просто все забыть и бросить Золотовых на произвол судьбы. Они договорились с Ольгой быть на постоянной связи. Касьянова также настояла на оформлении документов об опеке. На тот самый крайний случай: если с Ольгой что-то случится, Лу перейдет под опеку Аллы Николаевны.

Глава 5. Рассуждения и воспоминания

Лу смотрела на идеально ровный потолок. Такой идеальный потолок, вряд ли мог создать человек. Хотя все люди постоянно стремились к идеалу. Но все же идеалы у всех разные. Тебе скажут: «Посмотри, вот идеальная картина с идеально подобранными цветовыми гаммами. Это – эталон. Запомни об этом». Мозг может запомнить этот навязанный эталон, идеал. Но душа, находящаяся внутри тебя, может не принять его, старательно отторгать. Так как этот идеал навязан кем-то извне, по его желанию и усмотрению. По его воле или власти. Скорее всего, ни идеалов, ни эталонов не существует. Все это – искусственное насаждение. Но люди постоянно делают вид, что разбираются в эталонах. Люди любят важничать и производить впечатление. Им нравится производить впечатление или шокировать. Они обычно не верят чужим суждениям, но, не имея своих четких мнений или сомневаясь в себе, все же используют чужие догмы, навязанные извне. Также люди противоречат сами себе, так как часто меняют свои точки зрения, подстраиваясь под более выгодную ситуацию.

Сегодня утром, Лу сказала сотруднице 132, что Центр стал напоминать тюрьму.

– Вы когда-то были в тюрьме? – поинтересовалась 132-я.

– Это не важно.

– Важно. Как можно рассуждать о том, чего вы не знаете?

– Я прежде читала о тюрьмах. И видела в кино, —ответила Лу.

– Ну у вас и ассоциации! – фыркнула 132-я. —Все, кто здесь находятся, сравнивают наш Центр с санаторием, с домом отдыха. Вы живете на всем готовом! Вас осматривают, следят за вашим здоровьем. Вас тут даже бесплатно обслуживают! И от вас просят только одно: рассказать все, что вы помните.

– Да-да. Точно. Вы совершенно правы, —Лу улыбнулась и резко изменила тон. – Спасибо, 132-я, вы мне так помогли.

– Чем я помогла?

– Напомнили про санатории. Я совсем забыла про них. Начисто. И все перепутала.

– Рада помочь.

И 132-я неожиданно расслабилась и затараторила, что она рада помочь любому пациенту Центра. Лу делала ей комплименты. 132-я была в восторге от этого, совсем забыв о субординации, которую она обязана соблюдать согласно контракту.

– А что с тем мужчиной? —по-дружески спросила Лу, —почему он пытался убежать из Центра?

– Он вспомнил одну запрещенную вещь... —сказала 132-я и резко осеклась. До нее дошло, что она вдруг перешла черту.

– Что он вспомнил? Что здесь нельзя вспоминать? – Лу преградила 132-ой путь.

– Отойди! – голос 132-ой снова стал жестко-бесцветным, как у робота.

– Что с ним сделают за воспоминания?

– Отойдите от двери!

– Или – что?!

Лу ощутила адскую боль и вырубилась. 132-я ударила ее шокером, затем уложила в кровать и пристегнула наручниками.

– Не хочешь жить в санатории – живи в тюрьме. Все в твоей голове, милая, —злобно проворчала 132-я и вышла.

И вот теперь Лу рассматривала идеально ровный потолок и изо всех сил пыталась убедить себя, что она находится в санатории. Человек может убедить себя в чем угодно. Но станет

ли он от этого счастливым? Ведь любой обман и самообман рано или поздно растворится. И правда – неважно какая, прекрасная или корявая – выйдет наружу, и от нее никуда не скроешься. Обман погружает человека в глубокий сон, в стоячее топкое болото. И только правда дает возможность двигаться вперед, меняться к лучшему, жить и творить добро.

Лу ощутила, как затекло ее тело, особенно правая рука. Она поменяла позу и сумела вытянуть руку. Лу не знала, что ей делать, но она не могла позволить себе остаться здесь до конца своих дней. Нужно было искать способ выбраться отсюда и узнать, наконец, всю правду: что происходит?

«Твое спасение в крыльях...» —прозвучало в голове Лу. Она улыбнулась, узнала голос своей мамы, он был внутри нее.

– Мамочка, —прошептала Лу, —мамочка, моя.

Она ощутила горький вкус слез, катившихся ей прямо в рот. Лу облизала горькие губы и вздрогнула от громкого мужского крика за дверью и внезапных звуков стрельбы. Она инстинктивно дернулась от страха, но не смогла встать с кровати из-за чертовых наручников.

– А-а-а! —громко закричала Лу.

Глава 6. Деревня и лес

Жизнь в деревне шла тягуче и однообразно. Интернета не было. По телеку – два канала. Ольга с утра до вечера занималась с дочкой и крутилась по хозяйству. Любимым путешествием стали поездки в тот самый поселок, где родилась Лу. Там они затаривались продуктами и набирали из местной библиотеки целый рюкзак книг и журналов. Бабушка Лукерья любила сидеть, прислонившись спиной к теплой печке, и слушать, как внучка четким звонким голосом читает вслух. А Лу любила наблюдать, как бабушка ловко лепила пирожки и рассказывала ей страшные сказки про чертей, леших и кикимор, обитающих на болоте местного леса.

Иногда они получали посылки от Аллы Касьяновой. Как правило, это были развивающие игры, спортивные снаряды и самые разнообразные гаджеты. Лу с восторгом рылась в коробках, рассматривая и изучая подарки. А Ольга тайно сокрушалась и думала, что лучше бы в посылке оказались новые кроссовки для дочки или на худой конец запасы консервов.

Золотовы жили замкнуто, старались ни с кем не общаться. Но каким-то невероятным образом информация о крыльях Лу все же просочилась в народ и пошла по деревням и поселкам. Однажды к ним даже заехал батюшка. Хотел лично удостовериться, что прихожане не врут про крылья у девочки. Батюшка с пристрастием расспрашивал, крещеная Лу или нет.

– Крещенная, крещенная, – со слезами в голосе отвечала Ольга – Мы ее в Москве окрестили. В клинике. Прямо туда батюшка приезжал. Луше полгода было. Я надеялась, что после крещения крылышки отвалятся и расти больше не будут.

Батюшка перекрестил Лу, потрепал ее по рыжим волосам, подарил маленькую иконку с изображением Матроны и уехал. На прощание он сказал Ольге:

– На все воля Божья. По возможности приезжайте к нам в церковь.

Но Ольга так ни разу и не приехала. Не хотела, чтобы их разглядывали.

Каждый год, ближе к лету, у Лу просыпалось страстное желание летать. Ольга не сообщала об этом Касьяновой. В эти дни она уводила дочку из деревни на огромный луг, раскинувшийся между лесом и березовой рощей. Лу легко подпрыгивала и летала над лугом, весело горланя любимые песни. В эти моменты Ольга ложилась на траву, закинув руки за голову, и наблюдала за полетом дочки. Теперь такая жизнь казалась ей абсолютно естественной. Луговые цветы и травы слегка дурманили, у Ольги слипались глаза, она тихонько дремала, находясь в обволакивающей сладкой истоме. Но у внешне спокойной и тихой женщины, внутри бушевала настоящая буря. Она сильно тосковала без мужчины и с грустью осознавала, что ее молодость, свежесть и привлекательность постепенно исчезают. Как исчезают зеленые травы и листья с неотвратимым приходом осени.

Это был конец сентября. Деревья окрасились в золото и багрянец. Из-за частых дождей земля пожирнела, набухла и источала приятный, ни с чем несравнимый запах – петрикор. Лу обожала этот запах и вычитала, что термин «петрикор» был придуман австралийскими учеными в 1964 году. А один известный метеоролог, проводя исследования атмосферы, объяснил, что появление петрикора вызвано маслами. Лу с небольшой корзиной в руке шлепала резиновыми сапогами по дорожке и гордо сообщала маме о своих познаниях «о природе и дожде». Ольга кивала, но о петрикоре слушала вполуха. Она устала от жизни в деревне и постоянного безденежья. И еще ей хотелось замуж. Ей грезился мужчина, который полюбит ее и примет со всеми ее проблемами, старой матерью и дочкой, не похожей на нормальных людей. Ольге мечталось, что этот воображаемый мужчина наконец материализуется и возьмет на себя ответственность за ее жизнь.

– Мама, смотри! – закричала Лу и подбежала к ели, рядом с которой бордовым цветом рдела тонкая осина. Под елью красовался толстоногий белый гриб. Лу ловко сорвала его.

– Дочка, — сказала Ольга, — грибочки нужно срезать. Иначе грибница исчезнет.

– Нет, мамочка. Это не так. В старину все ходили в лес и рвали грибы. Так и говорили друг другу: «Пойдем в лес, нарвем грибочков».

Ольга не хотела спорить. Лу побежала дальше, на свою заветную грибную поляну. Ольга осмотрелась: вокруг красиво, спокойно, даже торжественно. Рядом раздался стук – задолбил дятел. Под ногами в траве запрыгала толстая жаба. Из жирной пахучей земли вылез дождевой червь. Ольга вдохнула полной грудью свежий осенний воздух и ощутила блаженство. Солнце выглянуло из-за тучки, заскользило лучами по лесу. Ольге вдруг сделалось радостно, и она в душе посмеялась над теми пустыми, вымышленными глупостями, которые она себе напридумывала. Она поправила косынку и поспешила вслед за дочкой. Лу укладывала в корзину очередных крепышей – белые грибы.

– И вот еще, мамочка, смотри – подосиновик! – Лу протянула гриб.

Ольга взяла подосиновик за упругую шершавую ногу, понюхала глянцевую красную шляпку:

– Как же хорошо тут, Лу.

– Я очень-очень люблю лес. Мы никогда отсюда не уедем? Правда?

– Не уедем. Если ты сама этого не захочешь.

– Ма, я люблю тебя!

Лу прижалась к Ольге. Она обняла дочку и ощутила под ее плащом упругие крылья.

Они возвращались обратно по тропинке вдоль леса, и Ольга внезапно почувствовала какое-то движение, тихое, неуловимое похрустывание веток, но не придавала этому значения. Они не успели дойти до поворота, как из леса выскочили трое парней и преградили им путь. У Ольги вмиг пересохло во рту, она понимала: убежать невозможно.

– Лу, лети! Сейчас же! Лети, лети! – истошно заорала Ольга. —Лети!

Лу бросила корзину – грибы неохотно выкатились на дорогу. Лу подпрыгнула и вмиг взлетела, но ей сильно мешал плащ. Оторвавшись от земли, она быстро и судорожно расстегивала пуговицы. Парни бежали к Лу.

– Стой, сучка! Не улетишь! – взвизгнул красномордый прыщавый бугай.

Ольга перегородила ему путь:

– Не трогайте ее! Она совсем ребенок! Возьмите меня...

– С тобой тоже успеем, – усмехнулся бородатый, и с силой отшвырнул Ольгу.

Она упала прямо лицом в мокрую пахучую землю, ощутила ее сладковатый вкус во рту. Но тут же она резко рванула вверх, словно у нее самой выросли крылья, и в два прыжка догнала бородатого, схватила его за ноги, повалила на землю и ударила сапогом в бок.

– Сука сраная! – прохрипел бородач.

Два других поддонка подпрыгивали вверх, чтобы схватить Лу, продолжающую возиться с плащом.

– Рви этот чертов плащ! – заорала Ольга, —Лети! Лети, дочка! Ты знаешь, что делать!

Лу изо всех сил рванула плащ, он треснул, и, как летучая мышь, стал опускаться вниз. Девочка взмахнула крыльями и полетела в сторону деревни. Ольга радостно захохотала и моментально получила жесткий удар в спину, затем еще более сильный по голове. Подонки раздирали на ней одежду, продолжали наносить удары по ее обмякшему телу. Красномордый схватил Ольгу за лицо и закричал:

– Смотри мне в глаза, сучка. Мы по-любому оттрахаем твою крылатую дочку. Повесим ее за крылья в сарае и отымеем по очереди.

Ольга хотела что-то ответить, но вместо слов изо рта полилась кровь. Подонки насиловали несчастную женщину, продолжали угрожать сотворить тоже самое с Лу. Но, даже находясь в полубесчувственном состоянии, Ольга чувствовала сердцем и материнской чуйкой, что

эти подонки никогда не доберутся до Лу. Она знала, что Лу в безопасности, и благодарила Бога, что он подарил ее дочке крылья. Последнее, что она увидела, был яркий луч солнца, снова выглянувший из-за тучки. Солнечный луч погладил Ольгу по грязной щеке, то ли подбодрил, то ли попрощался. Женщина в ответ улыбнулась и мгновенно погрузилась во тьму.

Глава 7. Голос

К Лу уже несколько дней никто не приходил. Таблетки, заменяющие человеческую еду, доставлял робот. Лу в очередной раз попыталась соскрести с окна коричневую пленку – бесполезно. Она также пыталась вызвать врача 157, настойчиво нажимая на белую кнопку на черном блестящем ящике, но на ее сигналы не было никакой реакции.

– Они хотят свести меня с ума, – тихо произнесла Лу и села на край кровати. – Не выйдет. Это всего лишь очередная тюрьма. Как...

Она хотела сказать: «Как Клиника Сомова и Касьяновой». Но осеклась, понимая, что ее могут слышать и чуть не сболтнула свой главный секрет.

С детства у Лу развился сильный инстинкт самосохранения и выживания в самых разных условиях. Она протерла лицо, сделала зарядку, ощутила бодрость в теле и упругость мышц. Затем приняла таблетки, полагающиеся на завтрак, и стала вслух повторять стихи из школьной программы. В данных условиях чтение стихов наизусть было единственной возможностью тренировки памяти и мозга. И вдруг почувствовала, как в ее голову, в ее сознание откуда-то извне нагло и напористо вторгается чужой голос. Лу замерла, прекратила декларировать стихи. Она испугалась, что над ней опять проводят эксперимент, и они в итоге докопаются и вычислят правду о крыльях. Затем продолжила читать стихи, но запаниковала и стала ошибаться в тексте.

– Здравствуй. Не бойся. Я – твой друг, – в голове Лу спокойно и настойчиво зазвучал мужской голос. – Я – твой друг.

– Кто ты? – мысленно спросила Лу.

– Ты видела меня в коридоре. Я пытался убежать. Мы встретились взглядами.

Лу прекрасно помнила мужчину в оранжевом комбинезоне, яростно сопротивляющегося охране.

– Вспомнила?

– Да.

– Благодаря нашей случайной встрече я могу проникать в твое сознание и тайно разговаривать с тобой.

Лу осознавала, что у нее могли начаться слуховые галлюцинации. Она читала о людях, проводивших много времени в одиночестве и из-за этого сходящих с ума. Безусловно, это также могла быть ловушка Центра. Сотрудники могли вторгнуться в ее сознание, начать манипуляции, чтобы выяснить правду о крыльях. Но также этот ворвавшийся голос мог реально принадлежать мужчине, пытавшемуся сбежать отсюда. Все могло оказаться и правдой, и обманом.

– Ты знаешь, что происходит там, за окном? – спросила Лу.

– Нет, — ответил мужчина. – Я хочу выбраться отсюда. Увидеть все своими глазами. Даже если впереди смерть. Не хочу умирать здесь, как подопытная крыса.

По телу Лу пробежали мурашки. Она тоже больше не хотела быть ни подопытной крысой, ни участником очередного эксперимента. У нее были крылья. Она могла бы взлететь высоко-высоко и потом броситься вниз, чтобы разом остановить все предстоящие издевательства.

– Как тебя зовут? – спросила Лу.

– Роман. Рома. А тебя?

– Лукерья. Сокращенно Лу. Так и называй меня – Лу.

– Хорошо.

– Как мы можем помочь друг другу?

– Мне отсюда не выбраться. А ты сможешь, Лу.

– Как??

– Притворись больной...

– Какой смысл? – перебила Лу. — Они объявят карантин! Я не выйду из этой комнаты.

– Нет, послушай, не перебивай! Притворись, что у тебя болит зуб. Они не станут лечить его здесь. Поведут в другое помещение, к стоматологу. Там у них аппарат вроде рентгена или сканера. Черт знает. Я там был. Слышишь, Лу?

– Ага.

– Они поведут тебя. В этот момент мы будем на постоянной связи. Я помогу тебе выбраться. И если все получится, возможно, ты найдешь людей. За пределами Центра. Тогда вы вернетесь за мной. И за другими пленниками Центра. Другого выхода нет.

– Роман, сколько здесь таких, как мы?

– Лу, они идут ко мне. Временно прекращаем связь.

– Роман? Роман?

Мужской голос исчез. Лу была крайне возбуждена. Она ощутила, как ладони и ступни вмиг стали холодными. Крылья напряжились, готовые вырваться из-под одежды. Лу ощутила нереальную потребность взлететь и с огромным усилием погасила в себе этот порыв. Она походила по комнате из угла в угол, села на кровать, затем встала и снова походила. Потом успокоилась и улеглась. Знала, что за ней наблюдают. Закрыла глаза. Лу ждала возвращения Романа и отсчитывала удары собственного сердца. Она подумала, что Роман может больше не вернуться. Но Лу это не расстроило. Идея оказаться в кабинете стоматолога казалась ей привлекательной. Это был шанс расширить познания о месте, в котором она находится. Лу успокоилась. Решила продолжить вспоминать о своей жизни до катастрофы. Врач 157-я часто спрашивала Лу, рожала она или нет. Лу дотронулась до живота. Она не помнила, есть у нее дети или нет. Но она помнила, как поливала какой-то зеленый росток в пластиковом стакане и очень радовалась его росту. Лу помнила, что сильно любила этот росток и почему-то называла его доченькой.

Глава 8. Смерть и новая жизнь

Ольгу Золотову похоронили на деревенском кладбище. Лу была в отчаянии, она никак не могла понять, почему умерла мама.

– Потому что у твоей мамочки не было крыльев, —объяснила бабушка Лукерья. – Не плачь, Луша. Теперь твоя мамочка на небе. Вместе с ангелами. Они подарили ей крылья.

– И она прилетит к нам?

– Нет, милая, когда-нибудь мы полетим к ней. Не забывай мамочку. Говори с ней мысленно. Она слышит тебя.

– Хорошо, бабушка.

– А теперь собирайся, милая. Скоро приедет Алла Николаевна. Ты будешь жить с ней.

– Не хочу, бабушка, —слезы потоком хлынули из глаз Лу. – Не хочу в клинику! Не отдавай меня, умоляю, умоляю!

Лу прижалась к бабушке, вцепилась в нее, зарылась лицом в обмякшие груди. От бабушки пахло хлебом.

– Бабушка, миленькая, родименькая, не отдавай меня, —Лу не могла успокоиться.

По морщинистому лицу Лукерьи текли слезы. Сердце разрывалось. Она гладила рыжие непослушные волосы Лу, целовала ее в макушку. Больше всего на свете Лукерья не хотела отдавать свою внученьку, свою кровиночку. Но Ольга подписала бумаги. Да и бабка Лукерья была стара, она знала, что никак не вытянет Лу. Да и оставаться здесь девочке было опасно. Подонки не были пойманы. Они могли вернуться, надругаться над ней. Были в деревнях и такие, кто считал Лу чудовищем, дьявольским отродьем. Они открыто говорили, чтобы девочка с крыльями убиралась от них подальше. В людях было много злобы, и она не вылечивалась, не вытравливалась. И еще Лукерья знала, что скоро умрет, уйдет к своей Олюшке. Она сдержала вырывающийся стон и сказала как можно спокойнее:

– Слушайся Аллу Николаевну. Она теперь тебе заместо матери будет.

– Нет, бабуля, нет! Она мне никто! Они опять станут раздевать меня. Щупать! Смотреть мою спину.

Лу оттолкнула бабушку, выбежала во двор. Она решила улететь в лес, остаться там, но ни за что не возвращаться в клинику. Лукерья поняла ее намерения, побежала следом, схватила внучку. Лу яростно вырывалась, кричала. Вместе с бабушкой они упали на навозную кучу.

– Не надо, милая моя, не надо, Господи, помоги, —причитала бабушка и слезно молила Лу смириться.

Лу уехала с Касьяновой. Всю дорогу до Москвы она не проронила ни слова. Грустно смотрела в окно машины и игнорировала все вопросы Аллы. Лукерья долго смотрела им вслед. Потом взяла тяпку и пошла в огород.

Алла Николаевна привезла Лу в свою квартиру. Девочка была удивлена и обрадована этому обстоятельству. Она осторожно осматривала свою новую комнату и впервые с момента встречи с Касьяновой заговорила:

– Я буду жить здесь? Ты не повезешь меня в клинику?

– Не повезу. Теперь это твой дом. А это – твоя комната. Если что-то понадобится, я все сделаю.

– И меня больше не будут осматривать в клинике?

– Будут. Все люди без исключения ходят на медицинские осмотры. Делают прививки, сдают анализы. И тебе придется. Я тоже прохожу медицинские осмотры.

Лу с недоверием посмотрела на Касьянову: ее глаза улыбались по-доброму, дружески, без заискиваний и фальши. Она была все той же Ла. Или нет? Лу не могла разобраться. Она подошла к окну и увидела внизу шумную улицу со спешащими машинами и людьми. Лу еще никогда не видела столько людей сразу. Касьянова подошла к ней, обняла за плечи.

– Все будет хорошо. Ты привыкнешь. Я помогу тебе.

Лу не нравилась Москва. Ей бы не понравился никакой другой большой город мира. Комфортнее всего она чувствовала себя в уединении, вдалеке от людей и врачей. Она тосковала по деревне. Единственный раз Лу вернулась туда на похороны бабушки. Лукерья умерла через год после отъезда внучки. Бабушка приснилась Лу перед самой ее кончиной. Во сне Лукерья улыбалась и выглядела моложе. Она держала в руке белую голубку, потом подняла руки вверх и выпустила птицу. Утром Лу обнаружила под подушкой белое перышко. Она знала, что это было послание от ее бабушки. Лу решила не рассказывать об этом Касьяновой. Она спрятала перышко между страниц книги Экзюпери «Маленький Принц».

После похорон бабушки Касьянова по просьбе Лу отвела ее на большой луг с сухой травой, выгоревшей после жаркого лета и набухшей почвой от осенних дождей. Лу сняла плащ, побежала по лугу, расставив руки, закричала от нахлынувшего восторга и взлетела. Алла услышала, что Лу поет, звонко, трогательно, чисто, от души. Она залюбовалась свободным полетом девочки, заулыбалась. Но тут же вспомнила, что она не просто женщина, а в первую очередь – ученый. Алла быстро достала мобильник и стала снимать на видео полет Лу. Видимость была прекрасная. Касьянова снимала крупным планом крылья Лу. Она думала, что наконец-то дождалась звездного часа. Целый год Лу не летала и не подавала никаких признаков желания полететь. Несмотря на то что Алла вывозила ее в прекрасные заповедные зоны, где были идеальные условия для полета. Теперь Алле было необходимо заманить Лу в клинику. Чтобы девочка отправилась туда добровольно, с желанием участвовать в новых обследованиях и экспериментах. Но никакие ухищрения Касьяновой не помогали. При любом намеке на поездку в клинику с Лу начиналась истерика. Она убегала в ванную, запиралась там и часами не выходила. А однажды просто убежала из дома. И Алла, сходя с ума от страха, носилась по району в поисках рыжеволосой дочки.

Касьяновой было необходимо наблюдать за развитием крыльев Лу. Она хотела установить истинную причину их возникновения. Алла была вынуждена несколько раз усыпить Лу и тайно привезти в клинику. Спящую Лу тщательно осматривали, сканировали ее спину и крылья. Брали для анализов кровь, мазки, кусочки кожи с крыльев. Однажды крылья были сложены и убраны в спину таким образом, что их было невозможно увидеть и вытащить для очередного осмотра. Тогда доктор Сомов, потирая лицо от возбуждения, нервно курая, шептал Касьяновой:

– Алла Николаевна, тут не обошлось без инопланетян. Мы не видим крыльев. И сканер их не видит. Но они есть. Все, что происходит с Лу, не поддается логике. Мы не в состоянии объяснить все это.

Живя у Касьяновой, Лу продолжала вести затворнический образ жизни. Она училась удаленно, категорически не хотела знакомиться со сверстниками. Она не любила, когда в квартиру Касьяновой приходили гости. В такие моменты Лу не выходила из своей комнаты, читала книжки или делала уроки. Она любила узнавать информацию о достижениях науки и новых технических новинках. Лу была в восторге от изобретения настоящего летательного костюма, изготовленного на 3D-принтере. Этот чудо-костюм был оснащен пятью реактивными двигателями, он мог летать со скоростью пятьдесят километров в час. Мог поднять человека на высоту три тысячи шестьсот метров. Таким образом изобретатель костюма хотел доказать, что чело-

век может летать. Костюм вышел тяжелым. И человек, облаченный в него, был способен оставаться в воздухе не более четырех минут.

– Разве люди хотят летать? – спросила Лу Касьянову.

– Да, очень хотят. Люди стремятся к новым знаниям и новым возможностям человека.

– Разве? В этом мире никому не нужны летающие люди. Меня ненавидят из-за этих крыльев.

– Неправда, Лу.

– Нет, правда! После смерти мамы меня никто не жалел. Только бабушка. Остальные называли меня дьявольским отродьем с крыльями. Они стояли под нашим домом и кричали: «Убирайся! Убирайся отсюда!»

Лу нервно тряхнула рыжей копной волос и ушла к себе. Касьянова ничего не могла возразить. Лу была совершенно права. Люди не приходят к взаимопониманию из-за религий, социального статуса, мировоззрения, манере поведения, вероисповедания. Общество не принимает тех, кто мудрее, наблюдательнее, нравственнее. В обществе людей постоянно всплывает неприязнь ко всем, кто чем-то отличается от большинства. И с этим ничего не поделаешь – такова человеческая и животная сущность.

С десяти до тринадцати лет физическое развитие Лу шло неравномерными скачками. В двенадцать лет она выросла за год на десять сантиметров и поправилась на семь килограмм. Скелет и крылья Лу становились крепче. С интенсивным ростом организма менялось и тело Лу. У нее началось половое созревание, росла грудь. Лу превращалась в прекрасную девушку. Но нервная система подростков не успевает адаптироваться к активному росту тела. Поэтому психика Лу либо находилась в состоянии чрезмерного возбуждения, либо опускалась до полной апатии и равнодушия к происходящему. Касьянова поддерживала изменения в организме Лу правильным питанием, насыщала ее рацион витаминами и микроэлементами, заставляла делать зарядку и гулять на свежем воздухе. Время шло. Лу и Алла притерлись друг к другу. Они делились новостями, мыслями, обсуждали волнующие их темы, но так и не стали близкими подругами, родственными душами. Лу не раскрывала перед Касьяновой полностью свое сердце, не делилась своими сокровенными мыслями и желаниями.

Лу было уже пятнадцать лет. Она по-прежнему мечтала стать актрисой. Лу никогда не была в настоящем театре, но пересмотрела огромное количество спектаклей в видеозаписях.

«Я бы могла сыграть Царевну Лебедь, птицу Феникс, волшебницу и гусыню из сказки про Нильса, – думала ночами Лу. – Еще можно придумать новую фантастическую пьесу. Про другую планету, где живут люди с крыльями».

Был поздний вечер. Касьянова задержалась в клинике с одним сложным пациентом. Она написала Лу сообщение, что придет позже. И предупредила, что к ним домой должен зайти доктор Валентин Михайлович. Он передаст Лу папку с документами.

Лу сварила картошку, пожарила котлеты и уселась перед компьютером. Она смотрела запись фильма-спектакля «Пигмалион» тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, поставленного с участием актеров Малого театра по пьесе Бернарда Шоу. Лу искренне переживала и сочувствовала Элизе Дулиттл. Ей нравились метаморфозы и драматические ситуации пьесы, она мечтала сыграть эту роль. Превращение неграмотной цветочницы в шикарную женщину волновало и радовало Лу. Она пересматривала этот спектакль много раз, знала роль Элизы наизусть и продолжала мечтать о сцене. Но гораздо сильнее она мечтала о новых технологиях, которые навсегда избавят ее от крыльев.

В дверь позвонили. Лу поставила запись спектакля на паузу, пошла, открывать дверь. Лу сразу узнала ЕГО. От неожиданности язык словно окаменел, ноги прилипли к полу, губы Лу растянулись в глупой дурацкой улыбке. Перед ней был тот самый красавец-студент, ныне

доктор клиники — Валентин Михайлович Ожигов. Он возмужал, посолиднел, перевоплотился из прекрасного юноши в крайне привлекательного мужчину.

– Здравствуйте, Луша. Позвольте войти. – Доктор озарял голливудской улыбкой.

Лу что-то нечленораздельно промычала и кивнула. Валентин зашел в квартиру и стал открывать замок новенького кожаного портфеля.

– Вы, конечно, меня не помните. Я впервые увидел вас, когда был студентом. А вы – совсем маленькой девочкой. А теперь вы такая... — Валентин замялся и наконец стал вытаскивать из портфеля толстую папку, — вы уже такая взрослая... такая яркая девушка...

У Лу колотилось сердце, вздымалась грудь. Она была на грани потери сознания.

– Очень рад видеть вас снова. Вы сильно изменились, очень, — взгляд Валентина оценивающе пробежал по телу Лу.

Она чувствовала, что он раздевает ее глазами. Лу стало приятно и страшно. Она видела только толстую папку, которую ей протягивал Валентин. Лу взяла папку и встретилась с ним взглядом. Мир остановился и замер. Лу ощутила, как ноги слегка оторвались от пола. В этот момент зазвонил мобильник Валентина. Он ответил и убежал, оставив в коридоре ауру дорогого одеколona. Лу отнесла папку в комнату Аллы. Потом словно очнулась, подбежала к окну. Она всматривалась в фигурки людей, но не видела Валентина. Она хотела, она должна была увидеться с ним еще раз. Не один раз. Лу знала, была уверена, что он тоже этого хотел. План созрел мгновенно. Лу не могла дожидаться прихода Касьяновой. Когда она вернулась, Лу накормила ее ужином, выслушала о ее рабочих проблемах, и сказала:

– Я хочу работать. Возьми меня к себе в клинику.

– С чего это вдруг? – удивилась Алла.

– Не вдруг. Я давно хотела поговорить. Хочу работать. Иметь свои карманные деньги. И вообще. Я ведь понимаю, что не смогу учиться в театральном. Да и в любом другом месте. Я смогу учиться только заочно.

– Ясно, ясно. Но ведь ты не любишь клинику. И это мягко сказано. Ты категорически отказываешься туда ездить.

– Как пациент – да. Объектом для наблюдения быть не хочу. Дай мне какую-нибудь работу. Я хотя бы попробую.

– Хорошо, Лу. Наверное, в нашей ситуации это правильное решение.

– Не в нашей ситуации, а в моей.

В ту ночь Лу никак не могла заснуть. Образ Валентина не выходил у нее из головы. Лу испытывала неудержимую радость, когда вспоминала тот страстный обволакивающий взгляд молодого прекрасного мужчины. Лу не могла больше лежать, ворочаться, пытаться заснуть. Она встала, открыла балконную дверь и вышла. На темной улице мерцали уличные фонари. Пахло черемухой и свежей выпечкой. «Пекарни работают по ночам», – подумала Лу, и ей захотелось съесть мягкую ароматную сдобу, запить крепким кофе. Нет, ей мечталось о большем. Чтобы Валентин немедленно, сейчас же принес ей пакет свежих пончиков и стакан капучино. Подобную сцену Лу видела в кино. Девушка была так счастлива от своих романтических фантазий, что сама не заметила, как взлетела. Крылья уверенно и бесшумно несли ее над Москвой. Лу поразились, что город совсем не спит. Словно днем, по улицам ездят машины и люди куда-то спешат. Работают ночные магазины и рестораны, к вокзалу прибывают поезда – ночью жизнь не останавливается. Лу вылетела за предел своего района и почувствовала небольшую усталость. Она развернулась и полетела обратно. Впервые в жизни ей хотелось как можно скорее попасть в клинику. Лу знала, что впереди ее ждала новая прекрасная жизнь. Она была готова пойти на любые испытания, на любые новые эксперименты, только чтобы быть рядом с Валентином.

Глава 9. Ожидание

Голос Романа исчез и больше не появлялся. Иногда Лу пыталась мысленно поговорить с ним: «Рома, ты меня слышишь? Ответь, пожалуйста». Все было бесполезно. Лу не хотелось верить, что этот голос был ее слуховой галлюцинацией. Но еще больше ей не хотелось думать, что с Романом случилось что-то страшное. Ведь его могли уничтожить, пустить в расход. Лу занервничала, ощутила, как одно крыло вырывалось из спины, руки вспотели, сердце колотится. Лу сконцентрировалась, стала медленно и монотонно считать цифры. Она дошла до ста и успокоилась. Пока есть самый маленький шанс выбраться из Центра, Лу не должна поддаваться панике, не имеет право. Она так и не вспомнила, есть ли у нее дети. Но если есть, то она обязана выбраться отсюда и узнать об их судьбе. Найти их. Возможно, они тоже ищут ее, нуждаются в ней.

Лу услышала слабое жужжанье за дверью – это был робот. Он вкатился в комнату, подъехал к столику и поставил на поднос несколько банок с таблетками – едой. Робот напоминал круглый пылесос, к которому приделали искусственные руки.

– Послушай, друг, — Лу обратилась к роботу. – Мне нужна врач номер 157. Она мне не отвечает. Слышишь? Меня кто-нибудь слышит?

Робот покатился к двери. Лу вскочила с кровати, схватила робота за его верхнюю часть и тут же одернула руку: ее ударило током.

– А-а-а! – вскрикнула Лу от боли и неожиданности.

Голова робота зловеще замигала красными лампочками.

– Мне нужен врач. Слышишь, робот? Надеюсь, в тебя вмонтировали записывающее устройство! Мне нужен врач. У меня болит зуб. Очень сильно болит. Где 157-я? Почему она не отвечает?!

Робот выехал из комнаты. Дверь захлопнулась. Лу опустилась на пол. Она заплакала впервые после катастрофы. Лу лежала на полу и глотала безвкусные слезы.

«Слезы совсем не соленые. Видимо, таблетки, которыми нас кормят, меняют наш химический состав. Слезы совсем не соленые – обалдеть».

У Лу затекла рука. Она хотела встать с пола, но передумала: «Пусть считают, что я плачу из-за больного зуба». Лу для большей убедительности громко застонала, залезла в рот рукой и стала трогать зубы. Затем она свернулась калачиком, продолжая лежать на полу и плакать.

Не зря говорят, что все познается в сравнении. Были времена, когда Лу считала тюрьмой клинику, где прошла большая часть ее жизни. Но по сравнению с Центром клиника теперь казалась прекрасным свободным местом, одним из лучших на земле.

«Нужно быть сильной. Продолжать жить в любых обстоятельствах. Искать путь к свободе. И помнить, что мы все очень разные. И понятие свободы у всех разное. Охранники Центра счастливы здесь и чувствуют себя свободными. Они настолько тупо счастливы и неразвиты, что даже не предполагают того, что права и свободы пациентов Центра круто ограничены. Все наши права и свободы отняты! Центр манипулирует нашим сознанием и памятью. Они загружают в нас абсолютно новую биографию. Конечно, мы все умрем рано или поздно. Но я не хочу умирать здесь! Я хочу знать, есть ли у меня дети, где они! И что происходит на самом деле!» — Лу поднялась с пола и заколотила в дверь:

– Помогите! Кто-нибудь! У меня болит зуб! У меня дико болит этот чертов зуб!

Врач 157-я наблюдала за Лу через монитор и никак не могла принять решение о том, как поступить. У 157-ой невыносимо болела голова. Не помогли никакие лекарства. Уже несколько дней головными болями мучились все сотрудники Центра, контактировавшие с Романом. 157-я уже давно считала, что Романа нужно ликвидировать. Но руководство Центра

этого не позволило, приказало проводить дальнейшие наблюдения и обследования. В итоге сам испытуемый оказал психологическое воздействие на сотрудников и нанес серьезный урон их здоровью и безопасности. Это оказалось настоящим сопротивлением. И 157-я приняла жесткое решение: она поместила слипера в специальный бокс, где был полностью заблокирован его мозг. Врачиха надеялась, что он превратится в овощ и станет безопасным. Но в момент сопротивления слипер сумел как-то воздействовать на сотрудников и вызвал у них непрекращающиеся головные боли. И вот теперь 157-я решилась разблокировать Романа, договориться с ним мирно о том, чтобы он избавил сотрудников от этих мучительных головных болей. Конечно, если Роман потребует за это невозможное, то она все же будет вынуждена ликвидировать этого крайне опасного пациента. Из-за всех этих неожиданных происшествий и их последствий 157-я временно забросила подготовку документов Лу для ее отправки на Перекресток.

«Что мне ее зуб? Пусть терпит, как я терплю головную боль. Да не только я. Мы все тут терпим», – подумала 157-я и посмотрела в зеркало. Ее глаза были красными. Из-за непрекращающейся головной боли лопнули сосуды. Под глазами сине-черные круги из-за нескольких бессонных ночей. В кабинет зашла Сотрудница 132:

- Вызывали?
- У тебя прошла голова? – спросила врачиха 157.
- Нет. Еще хуже стало.
- Зови охрану. Идем в бокс. Разблокируем Романа.

Лу проснулась от громких душераздирающих криков. Она подошла к двери, прислушалась. Было невозможно разобрать, кто кричит – мужчина или женщина? Потом крики стихли, наступила невыносимая тишина. Лу почему-то испугалась этой тишины больше, чем криков. Она постучала по двери:

– Эй, вы! Кто-нибудь! Охрана! Откройте дверь! Мне нужна помощь!

Крики Лу оставались без ответа.

– Робот! Привези мне таблетки от боли! Помогите! – снова попробовала Лу, но за тяжелой дверью стояла гнетущая пустая тишина. Продолжать кричать и звать на помощь было бессмысленно. Лу походила по комнате. Сделала зарядку. Для вида постонала. Поддержалась рукой за щеку, продолжая имитировать зубную боль. Затем Лу снова легла на кровать. Она прочитала про себя несколько стихотворений. Затем освежила в памяти роль Элизы Дулиттл. Несколько раз она мысленно позвала Романа, но он ей так и не ответил. Лу хотелось кричать от отчаянья. Но она боялась, что сотрудники Центра увидят ее слабой. Лу поняла, что уже давно находится на грани. Но она была обязана оставаться сильной. Должна верить, что Роман жив, и ждать его помощи. Она вспомнила покойную бабушку Лукерью, мысленно поговорила с ней, прочитала молитву и успокоилась. Лу была готова ждать заветного освобождения столько, сколько нужно. Она была не одна. В ее воспоминаниях жили люди, готовые поддержать дух Лу, даже если их не было рядом.

«Внученька моя, мы – люди. Люди должны верить в чудо, быть сильными духом и уметь терпеливо ждать», – в памяти Лу звучал певчий голос бабушки.

Глава 10. Фантазии и реальность

Лу узнала, что можно быть счастливой просто потому, что видишь человека. Даже если не видишь человека, но постоянно думаешь о нем, ощущаешь его присутствие на расстоянии. Испытываешь волнующую радость, когда мысленно разговариваешь с ним. Но наивысшей точкой счастья и блаженства может оказаться тот самый короткий момент, когда ваши взгляды встретятся.

Лу работала в клинике. Ей поручали всевозможные дела – от уборки помещения до оформления карт пациентов в компьютере. Иногда Лу приходилось принимать товары, доставленные в клинику. Или ее просили вести учет лекарственных препаратов. Короче, Лу была на подхвате, и ей это нравилось. Теперь она совсем не хотела оставаться дома и в свободное от работы время делала уроки и учила иностранные языки прямо в клинике. Лу не хотела упустить ни единой возможности видеть Валентина Михайловича. Любовь обрушилась и поглотила ее целиком. Лу не принадлежала самой себе. Теперь все ее чувства, желания, сознание и помыслы были обращены к Валентину. Лу хотела нравиться Ожигову, но была уверена, что веснушки уродуют ее лицо. Она наносила белый холодный крем против веснушек, но они не исчезали. Было немного обидно, что Валентин воспринимает ее подростком и разговаривает с ней о всякой ерунде. Но Лу была начитанной девушкой. Она знала, что должна расцвести годам к семнадцати-восемнадцати. И, как это происходит во всех романах, «с глаз героя спадет пелена», и наконец Валентин увидит настоящую Лу – прекрасную женщину, влюбленную и преданную. Она ждала своего расцвета и прозрения Валентина. Она умела ждать. И не торопила события, так как не хотела, чтобы ее судьба была схожа с набоковской Лолитой. Самым счастливым временем дня стали часы обеда. Сотрудники ели в небольшой столовой клиники, украшенной яркими абстрактными картинами. Валентин любил обедать ближе к шестнадцати часам, когда в столовой было меньше людей. Лу вычислила привычку Валентина и приходила в это же время. В итоге их совместные обеды стали ритуалом. Они садились за столик около окна, за которым разросся старый куст сирени. Летом сидели при открытом окне, вдыхали его аромат, слушали жужжание пчел.

Лу увидела, как Валентин внимательно следит за полетом пчелы, и внезапно спросила его:

– Валентин Михайлович, меня смогут избавить от крыльев?

Валентин внимательно посмотрел на Лу:

– Ты это серьезно?

– Конечно! Вы еще спрашиваете? Я же не пчела. Крылья мешают мне жить полноценной жизнью.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не могу жить, как все.

– В мире нет ни одного похожего человека. И каждый живет своей индивидуальной жизнью. Поэтому не стоит обобщать.

– Валентин Михайлович, вы уводите мой вопрос в сторону. Со своими крыльями я уже настрадаюсь. Не могу стать актрисой. Много чего не могу. И я очень хочу быть как большинство женщин.

– Ты говорила на эту тему с Аллой?

– Она не скажет мне правды. Я знаю. Поэтому спрашиваю у вас. Мы же друзья. Сообщники. Скажите мне честно – меня могут избавить от крыльев?

– Не знаю, – Валентин отвел глаза от настойчиво взгляда Лу.

– Так узнайте. Ради меня. За эти годы наука не шагает, а летит вперед. Вы там постоянно проводите конференции. Если есть хоть небольшая возможность... отрежьте их... сделайте мне операцию. Валентин Михайлович, посмотрите мне в глаза. Узнаете? Узнаете, ради меня?

Валентин смотрел на Лу. У нее дрожали губы и подбородок. Он закрыл ее маленькую ручку своей широкой ладонью. По ее телу тут же пробежали мурашки. Прикосновения Валентина вводили Лу в ступор. Девушка ощутила его запах. Если бы в этот момент, Валентин попросил Лу о чем-то, она бы сделала это, не задумываясь. Она бы сделала ради него все, что угодно.

– Узнаю, Лу. Обещаю.

– Только не говорите Алле.

– Почему? У нас итак одни секреты.

– Если операция возможна, она все равно не позволит. Будет говорить про риски и все такое.

– Но никто не станет проводить операцию тайно.

– Я хотя бы буду знать правду. И как только стану совершеннолетней, избавлюсь от крыльев. – Лу тряхнула копной рыжих волос. – На следующей неделе очередной осмотр моей спины. Будет куча разных профессоров. И какой-то очень известный хирург.

– Карлинский.

– Точно. Помогите мне. Узнайте у него. Тайно от Аллы.

– Договорились.

Лу и Валентин не заметили, что в момент их эмоциональной и доверительной беседы в столовую зашла Алла Касьянова. Она увидела Лу и Ожигова на их обычном месте. Но что-то моментально насторожило Аллу. Она увидела потусторонний, слегка затуманенный взгляд Лу. Увидела руку Ожигова, лежащую на руке девушке. Но не просто лежащую, а нежно ласкающую пальцы Лу, ее эрогенные зоны. Алла увидела, как Валентин под столом подвинул свою ногу и вставил между ног ее подопечной. Увидела, как Лу замерла, приоткрыла рот, и ее лицо мгновенно покрылось румянцем. Она была возбуждена. Валентин продолжал ласкать пальцы Лу. Его другая рука тянулась под столом к коленке девушки. У Аллы перехватило дыхание, она быстро вышла из столовой и пошла по коридору. Она вообще забыла, зачем приходила в столовую.

Алла вышла на воздух, прошлась туда-сюда по дорожке. «Как я могла не замечать? Что между ними происходит? Может мне показалось?» Касьяновой было необходимо поговорить с Лу, но она не знала, как начать этот разговор.

Лу закрылась в туалете клиники. Ее трясло от возбуждения. После таких неожиданных и откровенных прикосновений Валентина Михайловича трусики Лу стали влажными. Она сняла их, понюхала и стала стирать под струей горячей воды. С ней уже происходили подобные вещи во время общения с Валентином. В первый раз она кончила, когда была в театре с Валентином. На сцене показывали спектакль по какой-то современной пьесе, достаточно пошлой, на потребу дня, с сальными шуточками. Лу пыталась сосредоточиться на происходящем на сцене, но запах Валентина не позволял это сделать. Его мужской природный запах, смешанный с парфюмом с древесными нотками, стал для Лу афродизиак, ловушкой. Во время действия на сцене погас свет. Лу ощутила, как влажные губы Валентина жадно прикоснулись к шее. Его рука скользнула по груди Лу, замерла там, на мгновение и ощутила ее юную упругость. На Лу было платье из крепдешина цвета малахита. Спину прикрывал струящийся шлейф. Раздался хруст разрывающейся ткани: крылья прорвали тонкий крепдешин и уже вырывались наружу. Благодаря спадающему с плеч шлейфу крыльев было не видно. Лу была возбуждена, с трудом контролировала крылья, трусики стали влажными. Лу застонала. В этот момент в зале включили свет: начался антракт.

– Уходим, — Лу вскочила с места, потащила за собой Валентина.

Вечером дома Алла не знала, как начать разговор. Лу сидела на полу в гостиной, рассматривала кипу старых журналов «Наука и Жизнь».

– Хочешь чаю? – спросила Алла.

– Попозже, —Лу с увлечением склонилась над научной статьей о космическом пространстве и черных дырах.

– Уже и так поздно. Или идем пить чай, или начинаем готовиться ко сну.

– Ладно, идем пить чай, —Лу положила закладку в журнал и поспешила на кухню за Аллой.

Касьянова поставила на стол вазочку с печеньем и вафлями, села напротив Лу, сделала глоток чая и спросила:

– О чем вы сегодня так увлеченно говорили с Ожиговым? Вид был заговорщический,– Алла через силу улыбнулась. Ей хотелось выпалить: «С какого это хрена он лапал твою коленку и ноги тебе раздвигал?! А ты балдела, как идиотка?»

– Говорили о моем осмотре на следующей неделе. Что собирается большой консилиум. И приедет известный хирург Карлинский.

– И что?

– Ничего.

– Это все?

– Ага.

«Ладно, —подумала Алла. – Ага, так ага. Господи, всего этого не должно быть. Конечно, рано или поздно это должно будет случиться. Но только не с ним, не с Ожиговым. Не знаю, что делать. Спросить открыто? Соврет. Сто процентов».

– Бери вафли, —Алла посмотрела на Лу и подвинула к ней вазочку.

– Ага, спасибо, —Лу захрустела вафлей.

– Ты когда-нибудь видела его жену? Она тут недавно заходила.

– Чью жену?

– Валентина Михайловича.

Лу перестала хрустеть, посмотрела на Аллу глазами, вылезавшими из орбит. До нее медленно доходил смысл слов Касьяновой, и ужас растекался по всему телу, словно яд.

– Когда он женился? – тихо спросила Лу.

– Давно уже, —ответила Касьянова. – Сразу после института, кажется. Ты что же, не знала?

– Может и знала. Я не держу в голове подобную инфу.

Алла посмотрела на Лу. Она ничем не выдала свое состояние, близкое к хаосу, истерике и смерти. Лу убрала со стола, как ни в чем не бывало помыла чашки, поцеловала на прощанье Аллу и ушла к себе.

Лу не плакала, не жалела себя, не металась по комнате, не звонила своему любимому. Она ненавидела саму себя. Проклинала свою наивность и полное непонимание обычной человеческой жизни. Она поражалась самой себе: как она могла ни разу не предположить, что такой шикарный мужчина, как Валентин, мог быть одинок. Как она могла верить в такую несусветную чушь: он ждет ее взросления, чтобы жениться на ней! Лу осознавала всю ничтожность собственного положения. Она сидела на подоконнике, обхватив руками колени, и отчаянно думала. Лу вспоминала все знаки внимания Валентина, их тайные свидания, нежные прикосновения, его волнующие зовущие взгляды, их прогулки по Москве или заросшему саду клиники. Лу вспоминала их совместное возбуждение друг от друга и тайные желания, которые открыто считывались в их глазах. И все эти живые воспоминания говорили Лу только об одном:

Валентин любит ее, он желает ее. Все эти годы Лу мысленно принадлежала Ожигову и была не готова делить его ни с какой женой. Лу решительно вышла на балкон и полетела.

Никогда еще Лу не летала так быстро, так стремительно. Она рисковала врезаться в здания или запутаться в проводах, но этого не происходило. Лу была сконцентрирована и внимательна как никогда. Она допускала и надеялась, что Касьянова обманула ее и никакой жены не существует. Лу знала, что Алла ревновала ее к Валентину. Ведь ей хотелось владеть Лу целиком и полностью, безраздельно, одной изучать ее феномен. Именно поэтому Лу не рассказывала ей правду о своих свиданиях с Валентином, об их тайных походах в театр и прогулках. Лу не помнила, чтобы какая-то жена звонила Валентину, спрашивала, когда он вернется, беспокоилась о нем или просила что-то купить домой. Ничего подобного никогда не было. Лу радостно засмеялась и полетела еще быстрее. Рыжие волосы развивались по ветру, крылья переливались в блеске фонарей и неоновом свете рекламных щитов и вывесок. К Лу снова вернулась уверенность. Она увидела высотку, в которой жил Валентин, и у нее защемило сердце. Во время одной из прогулок он показал свой дом и окна. Она запомнила. Лу обогнула дом и уверенно опустилась на балкон, украшенный массивными каменными балясинами. Сложила крылья и осмотрелась. Балконная дверь была открыта, пропуская в квартиру ночную летнюю прохладу. Тюль слегка колыхался и вылезал на балкон. В комнате горела тусклая ночная лампа под серым выцветшим абажуром. Лу хотела тихонько зайти, посмотреть: Валентин спит один или все же с женой, но услышала тихий плач и замерла. Лу осторожно заглянула в комнату через тюль. Это плакала женщина, худенькая, невысокая, темноволосая, на ней была шелковая пижама пудрового цвета. Женщина всхлипывала и растирала слезы по лицу. В комнату зашел Валентин, в трусах и футболке.

– Собирайся, – Валентин обратился к женщине.

– Валя, не надо, – заикаясь, ответила она, – умоляю, не надо...

– Я сказал: собирайся! – заорал Валентин. – Вали к своей маме! Видеть тебя не могу!

Женщина подняла заплаканное лицо, она умоляюще смотрела на Валентина:

– Валя, милый, послушай...

– Сука! – Валентин наотмашь ударил женщину по лицу.

Лу вздрогнула и задрожала всем телом.

– Бей меня, бей! Ударь еще раз! Только прости, прости меня...

Валентин схватил женщину за грудки:

– Почему ты это сделала? Отвечай!

– Я хочу ребенка!

– Лживая сука! Убью тебя! Убью! – Валентин тряс женщину изо всей силы.

Лу казалось, что у нее вот-вот оторвется голова. У самой Лу в голове загудело от страха. Она не понимала, что происходит. Но наличие жены у Валентина было очевидно. Как и то, что Лу абсолютно ничего не знала о своем возлюбленном. Она любила его оболочку, начиненную выдуманным идеальным образом, созданным в воображении Лу. Теперь она тряслась от страха на чужом балконе и осознавала, насколько ее фантазии были далеки от реальности Валентина. Лу ничего не знала ни о нем, ни о его жизни. Увиденная реальность пугала ее, уничтожала в сознании Лу все ее детские иллюзии.

Лу прилетела домой, быстро закуталась в одеяло и, наконец, почувствовала себя в безопасности. На следующий день у нее поднялась температура. Касьянова осталась дома ухаживать за девушкой. Предстоящий осмотр Лу был отменен. Валентин пару раз позвонил ей на мобильник, но она не ответила. Через несколько дней Лу стало лучше. Она пошла за водой на кухню и случайно услышала, как Алла с кем-то разговаривала по телефону.

– Жена Ожигова пыталась покончить с собой? Какой ужас. Слава богу, что она жива.

Лу моментально вернулась в комнату. Панический страх мгновенно разлился по всему телу. Висок запульсировал. Лу ощутила невыносимую боль в спине. Она хотела улететь далеко-далеко и никогда не возвращаться в Москву. «Его жена не пыталась покончить с собой. Все было не так. Это он, это он пытался ее убить. Я это точно знаю», — думала Лу.

Глава 11. Боль

Лу могла выдержать любую боль. Но душевная боль одиночества и отчаянья становилась нестерпимой. Кроме робота, привозившего таблетки, никто не подавал признаков жизни. Лу кричала, колотила в дверь, но все было бесполезно. Она боялась предположить, что сотрудники Центра покинули его. И здесь остались только запертые пациенты и роботы, послушно исполняющие заложенную в них программу.

Лу лежала на кровати, тупо уставившись в потолок. Она не боялась смерти, она давно была к ней готова. Но досадовала, что никак не может вспомнить, были у нее дети или нет. Лу боялась умереть, так и не вспомнив об этом. От этих тревожных мыслей ей стало нехорошо, запульсировал висок. Лу приподнялась, чтобы принять таблетку, и в этот момент услышала в своей голове уставший голос Романа:

– Лу, ты меня слышишь? Лу, это я. Ответь. Ты слышишь?

– Да, —ответила Лу. – Роман, ты?

– Я.

– Тебя не было целую вечность. Куда ты пропал?

– Они вырубili меня и мое сознание. 157-я хотела превратить меня в овощ. Но Хозяева Мира ей не позволили.

– Хозяева Мира?! – вскрикнула Лу вслух, осеклась и мысленно произнесла:

–Извини, извини. Вырвалось. Кто такие Хозяева Мира?

– Кучка самозванцев, захвативших всю землю.

– Откуда ты знаешь?

– Я – слипер. Я проникаю в сознание людей. И узнаю обо всем, что им известно.

– Я читала про слиперов. Мне их очень жалко. За слиперами всегда гонялись спецслужбы всех стран. Они ловили слиперов, заставляли работать на них.

– Так и есть. Мы куклы в их железных лапах. Силы и возможности слиперов изнашиваются очень быстро. Мы рано умираем.

– Рома, это ты кричал?

– Да. Они пытали меня.

– Мне так жаль, что ничем не могу помочь тебе.

– Я помогу тебе, Лу. А ты поможешь всем остальным.

– Я все сделаю! – от осознания, что еще есть шанс изменить свою жизнь и жизни других людей, Лу почувствовала себя увереннее.

– Мои силы на исходе. Нужно торопиться, —голос Романа был с тяжелым придыханием.

– Я все сделаю. Буду стараться. Только прошу, скажи, что случилось со всеми нами? Какая произошла катастрофа?

– Ладно. Слушай. Это началось давно. В конце шестидесятых годов двадцатого века. К людям из Космоса прилетели пришельцы. Правительство скрыло этот факт. Они считали, что народ не готов. Типа начнется мировая паника. Непредсказуемые последствия.

– Чье правительство? Куда прилетели пришельцы?

– Они прилетели одновременно в несколько стран.

– Ясно.

– До их появления в мире свирепствовал жесточайший кризис. Депрессия. Кровавые войны. Послевоенная разруха. Но сразу после появления пришельцев началось бурное экономическое развитие. Мировое промышленное производство ежегодно росло на шесть с половиной процентов. Хотя все современные экономисты считают чудом рост в два процента. Но как же объяснить этот триумф рыночной системы, если только что она находилась на стадии рас-

пада? Ни один экономист не дал ответ! Внезапный рост капиталистической экономики шестидесятых-семидесятых до сих пор остается неясным для большинства несведущих людей. Громадное значение для этого фантастического экономического роста имела научно-техническая революция. Произошло внедрение технических новшеств. Они радикально изменили все промышленное производство.

– Рома, хочешь сказать, этот экономический рост произошел за счет пришельцев?

– Именно так! Они подарили нашему миру новые технологии и знания. Наша планета могла процветать. Без болезней. Без войн. Без голода. Но кучка людей решила завладеть знаниями и технологиями, чтобы наживаться и управлять народами.

– Я читала о том времени. Технические новшества изменили все промышленное производство.

– Но в тоже время происходит строительство Берлинской стены. Карибский кризис. Американская война во Вьетнаме. А в тысяча шестьдесят пятом-семьдесят пятом годах СССР и Америка противостоят друг другу. Это играет важную роль в процессе деколонизации Африки.

– Эти войны тоже связаны с пришельцами?

– Часть пришельцев вошла в слишком близкий контакт с некоторыми людьми. Они создали тайную коалицию. Захватили технологии и власть. Стали называть себя Хозяевами Мира. Пришельцы – бесполое существа. Киборги. Они живут вечно. Они не понимают, что такое смерть. Некоторым людям тоже захотелось жить вечно. Но они не знали, как это осуществить. Ведь в отличие о пришельцев люди – существа органические. Мы рождаемся и умираем. Мы – часть природы. И тогда Хозяева Мира решили начать проводить опыты над людьми, чтобы понять, как стать бессмертными. Как и чем дополнить нашу органическую структуру. Внедрением чипов или искусственным интеллектом. Эти безумцы проводили свои тайные опыты над людьми по всему миру, – Роман закашлялся.

У Лу заняла спина, ей захотелось вытащить и расправить крылья.

– Рома, скажи, я не случайно родилась с крыльями? Над моими родителями тоже ставили опыты?

– Да, – Роман закашлял еще сильнее и мысленно сказал:

–Извини, мне нужно отдохнуть. Продолжай изображать зубную боль. Они придут за тобой.

– Хорошо. Но ты так и не сказал, что произошло. Пришельцы уничтожили землю?

– Во всем виноват искусственный интеллект. Вернее, безумные люди, которые решили стать богами...

Лу услышала непрекращающийся кашель Романа. Потом все стихло. Лу несколько раз мысленно позвала Романа, но он не ответил. Измученный слипер нуждался в отдыхе. Лу поднялась с кровати, взялась рукой за щеку, имитируя зубную боль, и стала ходить из угла в угол. Она была рада, что Роман жив и снова вернул ей надежду. Лу поковыряла коричневую пленку на окне и решила потом спросить Романа, есть ли у нее дети. Лу допускала, что слипер может знать об этом.

«Значит, мир захватили пришельцы и безумцы. Тайно проводили опыты. Наносили вред людям и природе. Но чтобы отвести от себя подозрения и заставить людей мыслить в ином направлении, они убеждали нас в том, что это мы – простые люди – уничтожаем природу. Безумцы убивали Мировой океан атомными подводными лодками, радиоактивными экспериментами. А простых людей они обвиняли в загрязнении воды и земли бытовыми отходами. Безумцы сделали меня крылатой. Для чего? С какой целью? Куда я должна полететь?» —Лу мысленно возмущалась все больше и больше. Она подошла к двери, заколотила по ней:

– Мне больно! Мне так больно! Помогите! Кто-нибудь!

Глава 12. Тайна

Касьянова нервничала, она не понимала, что происходит с состоянием Лу. Ее анализы были в порядке, но девушка таяла на глазах. Лу почти ничего не ела и быстро похудела. Острые ключицы и бледная кожа придавали ей еще более болезненный вид. Казалось, что рыжая густая копна волос никак не удержится на хрупкой шее. Лу спала целыми днями. Алла удивлялась, что сон не вылечивал девушку, не придавал силы. Лу потеряла интерес абсолютно ко всему. Она больше не пользовалась ни интернетом, ни телефоном и категорически отказывалась выходить на улицу. Естественно, о возвращении на работу в клинику тоже не могло быть и речи. Касьянова недоумевала. А все было предельно просто: девушка сохла и страдала из-за любви. Если бы Касьянова хоть раз кого-то любила, она бы тут же поняла, что происходит. Конечно, Алла понимала, что Лу могла влюбиться в Ожигова. Но чтобы довести себя до такого измученного состояния «из-за какой-то любви» – такое никак не могло вписаться в сознание Касьяновой. Аллу всю жизнь интересовала только ее работа и научные эксперименты. Она потратила столько сил на поиски людей с крыльями. И вот ее труды вознаграждены. Она нашла двух крылатых юношей, ровесников Лу. Один из них, Джек, проживал в США и находился под постоянным пристальным наблюдением известных американских ученых, мечтавших найти крылатую девушку, чтобы у Джека появилась пара. Но российская и американская сторона никак не могли договориться между собой о том, где произойдет знакомство крылатых пациентов. Каждая сторона хотела, чтобы данная тайная миссия происходила на их территории. Но и для российских, и для американских официальных лиц это было неприемлемо. Переговорный процесс затянулся на несколько лет. Никакие вразумительные доводы, заявления и апелляции ученых не помогали. И тут произошло чудо: Касьяновой сообщили, что на Кубе обнаружен еще один крылатый юноша — Бобби. Алла в составе небольшой секретной делегации немедленно вылетела на Остров свободы.

Бобби жил в обеспеченной семье. Он был прекрасно воспитан и образован. Мама Бобби была уверена, что в школьные годы ее похищали инопланетяне:

– Я помню огромное светлое помещение. Там раздавались странные звуки. Я лежала на металлическом столе.

– Почему вы думаете, что металлическом? – спросила Касьянова.

– Стол был холодным и гладким. Блестящим, как начищенная кастрюля. Я помню, как ощущала эту поверхность. Помню, как странные существа склонились надо мной. Они ковырялись во мне. В моем теле. В моем мозгу. Я рассказала об этом маме. Она только разозлилась. Мне никто не верил. Все смеялись надо мной. Считали меня дурочкой. Но когда родился Бобби, я сразу все вспомнила. И все поняла. Мой бедный Бобби вынужден быть одиноким. Не иметь семьи. Но вы дали нам надежду. Пусть мой мальчик и ваша рыжеволосая красавица подружатся. Вдруг они полюбят друг друга и будут счастливы. Конечно, мы готовы прилететь в Москву. С радостью.

Но теперь из-за состояния Лу план Касьяновой создать крылатую пару срывался. Именно из-за этого предстоящего знакомства в клинике должен был собраться очередной консилиум, на котором хотел присутствовать хирург Карлинский. Но Лу неожиданно заболела, слегла, и все планы Касьяновой разлетелись.

Алла присела к Лу, погладила ее по волосам:

– Лу, милая, нужно поесть. Что тебе приготовить?

– Ничего. Я только что съела яблоко и банан.

– Ладно. Давай, сходим куда-нибудь? Может, купим билеты в театр?

– Нет, спасибо. Ла, иди к себе. Я хочу спать.

У Аллы дрогнуло сердце. Лу очень давно не называла ее «Ла».

– Девочка моя, скажи, как мне тебе помочь? Я вижу, как тебе плохо. Но не понимаю, что с тобой. Расскажи мне обо всем. Я помогу. Расскажи.

– Нечего рассказывать. Правда, Ла. Просто хочу лежать и спать. И больше ничего.

Как только Касьянова уснула, Лу тихонько вошла в ванную комнату, умылась, почистила зубы и даже слегка подушилась. Потом надела брючный костюм из мягкого тонкого велюра шоколадного цвета, вышла на балкон и полетела. Каждую ночь во время своей болезни Лу летала к Валентину. Заходила в комнату, где он спал, садилась напротив и часа два смотрела на него. Она хотела разлюбить Валентина, забыть. Давала себе слово, что больше никогда не полетит к нему. Но наступал вечер, и Лу, словно в горячке, не могла дожидаться ночи, чтобы лететь к возлюбленному. Она понимала, что ее тайные полеты никуда не ведут. Вернее, ведут в тупик. Она ненавидела себя за малодушие и слабость, но ничего не могла поделать. Желание видеть Валентина было сильнее разума. Затем Лу прохаживалась по квартире Ожигова, рассматривала и изучала предметы и фотографии, словно пытаясь проникнуть в неведомый чужой мир.

Жена Ожигова, Надя, спала в соседней комнате. Однажды прилетев к Ожиговым, Лу услышала ее тихий плач. Надя давилась в подушку, чтобы не разбудить Валентина. И все время повторяла, чтобы Всевышний дал ей силы. Лу тихо наблюдала за Надей. Ей было невыносимо жалко страдающую женщину. Но она так и не смогла толком понять, что же происходит между Ожиговыми. Затем Надя устала от собственных слез. Она взяла с тумбочки таблетку, запила водой и вскоре уснула. Лу подкралась к женщине, стала разглядывать ее. Глаза Лу уже давно привыкли к темноте. Падающий лунный свет позволил увидеть на шее Нади отчетливые синяки от чьих-то сильных рук. Щека была слегка поцарапана. Надя застонала во сне, заворочалась, громко вскрикнула и скинула одеяло. Лу подняла одеяло, укрыла им Надю и вдруг услышала шаги Валентина. Лу быстро спряталась за шкаф. Валентин проснулся от крика жены и пришел в ее комнату. У Лу бешено заколотилось сердце и заныла спина. От страха и возбуждения крылья были готовы вырваться наружу. Лу сильно прикусила губу, ощутила вкус крови. Крылья успокоились. Лу смотрела, как Валентин склонился над женой и внимательно смотрел на нее. Потом вышел из комнаты. Лу не успела покинуть свое укромное место, как мужчина вернулся обратно. В его руках была подушка. Лу мгновенно осознала, что он задумал. Она была готова выскочить, вырвать подушку из его рук и улететь прочь. Валентин приблизился к жене, держа подушку наготове. Лу ощутила плавное раскрытие крыльев. Она уже была готова остановить убийство. Но Валентин резко развернулся и выбежал из комнаты. Лу хотелось домой, но она не могла попасть на балкон – там находился Валентин. Он сидел на полу, уткнувшись головой в балясину. Ему было страшно, страшно убивать. Лу допускала, что непоправимое может произойти в любой момент. Теперь еще и поэтому она продолжила летать к Валентину.

Лу опустилась на балкон. Дверь была приоткрыта, как и все предыдущие ночи. Девушка открыла дверь пошире, прислушалась: Валентин спал. Она зашла вовнутрь. Села в удобное мягкое кресло в коричневой обивке. Слилась с ним в своем велюровом костюме. В комнате приятно пахло лавандой – прежде такого запаха здесь не было. Лу огляделась, увидела уже потушенную ароматическую свечу. Минут сорок она любовалась точеным профилем Валентина. Затем пошла в соседнюю комнату. Там никого не было. Надина постель была убрана. Лу открыла шкаф: все вещи были на месте. Тайная гостья испытала беспокойство, занервничала. Заглянула под кровать – пусто. Бешено заколотилось сердце: «Где она? Где она?» Лу вышла в коридор и увидела полоску света под дверью ванной комнаты. Она медленно направилась туда,

ощущая громкие удары собственного сердца. Ей было страшно увидеть в ванной труп Нади. Внутренний голос умолял Лу немедленно улететь отсюда и больше никогда не возвращаться. Но неведомое ранее притяжение вело ее к ванной комнате. Она взялась за дверную ручку и уже почти открывала дверь, как ночную тишину квартиры нарушил звонкий наглый дверной звонок. Лу услышала, как Валентин вставал с кровати. Прятаться было негде. Либо заходить в ванную комнату, либо попасться Валентину. Лу уже слышала шаги Валентина, но ей было панически страшно заходить в ванную. Она была почти уверена, что там находится труп Нади. Лу отпустила дверную ручку, взлетела под потолок и замерла.

Валентин посмотрел в дверной глазок и открыл дверь. В квартиру вошла молоденькая женщина в длинном светлом плаще и кружевных перчатках.

– Что случилось? – спросил Валентин.

– Узнала, что твоей Нади нет дома. Искушение было слишком велико.

Женщина распахнула плащ – на ней не было одежды. Только ажурные чулки. Валентин ошалело заулыбался:

– Ну, ты даешь!

– Это все для тебя.

Женщина скинула плащ на пол, быстро прижалась к Валентину, обхватила его за шею, стала ласкать. Лу смотрела, как ее возлюбленный трогал женщину за грудь, целовал ее соски.

– Возьми меня прямо здесь, — сказала она.

– Нет, — Валентин поднял ее на руки и понес в свою комнату.

Лу опустилась вниз и, словно замороженная, пошла следом за ними. Она наблюдала за их страстными ласками, и сладкая истома разливалась по всему ее телу. Ей хотелось незаметно выйти на балкон и улететь, но ноги не слушались, сделались ватными. Лу не хотела смотреть на игры любовников, но не могла отвести взгляда. Она ощущала запретный запах их тел, слышала их громкие стоны. Лу испытывала одновременно животный страх и восторг. Валентин раздвинул ноги своей любовнице и вошел в нее. Женщина закричала в экстазе:

– Еще, еще, быстрее! Бери меня, бери, бери!

Лу казалось, что вот-вот потеряет сознание, ей перестало хватать воздуха. Она проскользнула на балкон. Но по-прежнему слышала стоны и крики женщины и Валентина. Романтический мир любви Лу исчез, распался на мелкие кусочки, испарился. Она подставила лицо ночному ветру, взмахнула крыльями и полетела. Застывшие дома, улицы и скверы тоже казались фальшивыми, ненастоящими, бутафорскими. Прекрасный мир стал прекрасным обманом.

– Я знаю, что такое настоящая любовь. Знаю. Она есть. Любовь не предает. Не изменяет. Любовь – воскрешает, — твердила Лу, словно повторяла выученный монолог какого-то персонажа из пьесы. – Он обманул всех. Жену. Меня. Он недостойн любви. Он мне не нужен. Все эти годы я работала в клинике ради него. Забыла о своих планах и мечтах. Думала только о нем. Больше этого не будет. Я забуду его. Забуду.

Утром Касьянова обрадовалась, увидев Лу на кухне, за столом, уплетающую завтрак.

– Тебе лучше, милая?

– Мне вообще прекрасно.

– Я так рада.

– Я тоже, Ла.

– Значит, скоро вернешься в клинику?

– А вот в клинику больше не вернусь. Ты же не думаешь, что я так и буду девочкой на подхвате?

– Ты сама уговорила меня устроить тебя в клинику.

– Теперь – все. Этот период прошел.

– Хорошо, милая, – Алла чмокнула Лу в макушку и налила ей в чашку свежий кофе. – Мне нужно с тобой поговорить.

– О чем? – Лу посмотрела в глаза Касьяновой и вдруг испугалась, что разговор может пойти о Валентине. Она понимала, что Алла могла догадываться о чем-то.

– Из-за твоей внезапной болезни был отменен осмотр. Нам нужно решить, когда собирать консилиум. Ты очень похудела. Нужно немного отъесться, восстановить твою форму.

– Я отказываюсь от осмотров.

– Лу, послушай...

– Нет, пожалуйста, это ты меня послушай. Мне с детства все это до чертиков надоело! В моей жизни это ничего не меняет. Я ведь имею право отказаться от этих осмотров? Я ведь не больна СПИДом, никого ничем не заражаю. Я могу отказаться? Я – отказываюсь.

– Конечно, милая, ты имеешь право. Но появилось одно обстоятельство. И оно меняет всю картину.

– Какое обстоятельство?

– Мы нашли таких же, как ты, крылатых.

Лу замерла. И Алла рассказала о Бобби, крылатом парне с Кубы. Лу не ожидала такого поворота. Но никакой радости она не испытала. Скорее, досаду и еще какое-то неприятное ощущение, которое не могла объяснить.

– Ты, что же, не рада, Лу? – осторожно спросила Алла.

– Вы не дадите нам спокойно жить, – тихо и горько произнесла Лу. – Вы захотите соединить нас. Станете тайно наблюдать. Как вы следите за совокупляющимися кроликами. Захотите, чтобы мы произвели потомство. Посмотреть – родим ли мы крылатого ребенка? Так ведь, Алла? Но я не хочу иметь детей! Слышишь? Я не хочу рожать ребенка с крыльями!

– Ты слишком возбуждена. Это все из-за твоей болезни.

– Это все из-за моих крыльев! Но они мешают только мне. А не вам. Так оставьте меня в покое. Если не можете избавиться меня от крыльев, так дайте мне просто спокойно жить.

Лу была настолько возбуждена, что даже потеряла контроль над крыльями. Они вырвались наружу и подняли девушку к потолку. Она сильно ударилась головой о люстру. Алла сделала ей холодный компресс, успокаивала ее:

– Не нужно так нервничать. И говорить всякую ерунду. Я пообещала Бобби познакомить вас. Никак не ожидала, что встречу такую агрессию! Бобби так мечтает пообщаться с тобой. Хорошо, я все отменю и извинюсь. Жаль, конечно. Бобби очень одинок.

После этих слов Лу почувствовала себя виноватой. И ей стало жалко Бобби.

– Алла, мы можем для начала познакомиться с ним по скайпу? – спросила Лу.

– Конечно, милая. Правда на Кубе большая проблема с Интернетом. Но мы что-нибудь придумаем.

Когда Касьянова ушла на работу в клинику, Лу села за изучение английского языка. Она пропустила несколько уроков, теперь хотела наверстать упущенное и вернуться к своим любимым делам. Зазвонил мобильник. Это был Валентин. Лу представила, как он раздвигал ноги своей любовнице в ажурных чулках, и ощутила волну брезгливости и гнева. Когда мобильник замолчал, она заблокировала номер Валентина. Но он прислал ей сообщение на электронную почту: «Дорогая, Лу! Нам нужно поговорить. Срочно!» Она ничего не ответила. После занятий Лу плотно пообедала, вышла на балкон и посмотрела на улицу. На нее обрушилось множество шумов и запахов, энергий спешащих людей и сказочное очарование города. Эта чарующая живая субстанция и притяжение неведомой силы присущи только Москве. Энергетический поток моментально проник в душу Лу, окутал ее целиком. Москва манила к себе. Лу ощутила прилив сил. Ей захотелось жить так, как мечталось, как грезилось. Поддавшись счастливому порыву, Лу быстро надела свое любимое платье цвета малахита, туфли-лодочки и побежала на улицу. Ноги отстукивали каблучками, слегка пританцовывали и вели к ее заветному месту –

дворнику театрального училища. Лу знала, что для первого прослушивания никакие документы не нужны. Ей было просто жизненно необходимо именно сейчас испытать судьбу и проверить у себя наличие актерских способностей.

Дворик был заполнен абитуриентами. Платье Лу, с небольшим воздушным шлейфом на спине, выглядело старомодным по сравнению с нарядами других девушек. Но именно этот контраст плюс рыжие волосы тут же, моментально выделили Лу из общей толпы. Она заполнила анкету и стала ждать своей очереди. И тут Лу заметила ЕГО. Он шел прямо к ней, в этом не было никакого сомнения. Их взгляды встретились, и крылатая девушка ощутила то, о чем читала тысячи раз: мир замер, ее озарил свет. Кроме НЕГО, Лу больше никого не видела.

– Привет, – у НЕГО был приятный голос, бархатный, обволакивающий. – Меня зовут Игорь. А тебя?

– Лу.

– Лу?

– Луша, Лукерья, Лу.

– Имя Лу тебе очень идет.

– Правда?

– Оно такое же красивое и неземное, как ты.

Лу улыбалась. Ей хотелось схватить Игоря за руки, взлететь и парить над Москвой. Но она вспомнила, что именно крылья могут все испортить, и она больше никогда его не увидит. Лу вспомнила, что прочитала в какой-то книге: «Если это настоящая любовь, то тебя будут любить любой, абсолютно любой, хоть хромой, хоть безногой». Но в жизни это не работало. Когда ее отец Василий узнал, что у него родилась дочка с крыльями, его любовь к жене исчезла моментально и навсегда.

Лу только что избавилась от любви к Валентину и не хотела влюбляться снова. Она вообще больше не хотела никого любить.

На прослушивании они с Игорем оказались в одной десятке и оба прошли на первый тур. Они выбежали во дворик училища, возбужденные, счастливые.

– Ты такая талантливая! – Игорь восторженно смотрел на Лу.

– Правда?! – она была перевозбуждена и уже с трудом сдерживала крылья.

– Ты – огонь!

Игорь поцеловал Лу в щеку. По ее телу словно пробежал разряд тока. Но она не позволила крыльям вырваться наружу.

– Ты самая лучшая, прекрасная, – шептал Игорь. —Я не должен был приходить сюда сегодня. Хотел в другой день. Но меня словно магнитом потянуло.

– У меня та же история.

– Это – судьба! – Игорь поправил Лу прядь рыжих волос. – Пойдем погуляем.

Они гуляли до позднего вечера. Они прошли пол-Москвы. Лу думала о том, что ее сны начинают сбываться. Впервые за много лет ей было действительно легко и свободно. Ей казалось, что она знает парня сто лет. Лу нравилось в Игоре все: его запах, его крепкая рука, открытый взгляд, густые русые волосы, небольшая ямочка на щеке, искренняя улыбка. Они понимали друг друга с полуслова. И теперь Лу казалось полным бредом, что она могла любить Валентина и страдать из-за него. Она была рада, что между ними не произошло близости.

– Что будешь делать, если не поступишь? Извини, я спросил ерунду. Тебя не могут не взять.

– Не знаю. Не думала об этом. А ты?

– Женюсь на тебе. Мы по-любому поженимся. Независимо от поступления.

– А если ты поступишь, а меня не возьмут?

– Такого не будет. Они возьмут нас вместе. Либо никого. Мы теперь всегда будем вместе.

Я думал, так не бывает.

– Как?

– Чтобы сразу. Посмотрел и все понял.

– А я знала, что так бывает.

– Откуда?

– Просто знала и все.

Игорь обнял Лу и поцеловал в губы. Это был нежный, сладкий поцелуй, каким может быть поцелуй молодости и самой светлой любви.

– Сегодня был самый счастливый день в моей жизни! – Лу обняла Аллу и радостно расцеловала.

Они сидели на диване в пижамах, и Лу радостно рассказывала Алле подробности своего прохождения на первый тур театрального и ее встречи с Игорем. Касьянова была ошарашена такими внезапными событиями, последующими после странной болезни.

– Лу, милая, я очень рада. Но как же ты не побоялась читать перед комиссией? Ведь от перевозбуждения ты могла взлететь.

– Я научилась контролировать крылья! Здорово, да? Теперь никто об этом не узнает.

– Даже если получилось несколько раз, не факт, что ты сможешь контролировать всегда.

Лу не слушала Аллу.

– Смотри, наши селфи! – Лу показывала Касьяновой фото с Игорем. – Я тебя с ним познакомлю. Прямо завтра. Сама увидишь, какой он классный.

– Хорошо.

– Я сказала Игорю, что ты – моя мама.

– Девочка моя, — Алла даже прослезилась от нахлынувших чувств и обняла Лу.

– А если тебе надо для науки, можешь познакомить меня с тем парнем с Кубы. И я согласна на осмотр.

– Правда? – Алла не верила ушам.

– Я знаю, что для тебя и для науки это важно.

– Ты рассказала о крыльях Игорю? – заволновалась Алла.

– Еще нет. Но обязательно расскажу. Между нами не будет тайн.

– Лу, ты знаешь его несколько часов.

– Это ничего не значит. Можно сто лет знать человека, но не знать, какой он на самом деле.

– Ты так уверена в Игоре? Доверяешь ему?

– Как себе. Как тебе.

Лу была чересчур возбуждена от переполнявших ее чувств и эмоций. Она никогда не была такой искренней, такой открытой и такой наивной. Алла даже подумала, что Лу слегка поглупела от нахлынувшей любви. Она совсем не была в восторге от этих новостей, но решила воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств для проведения консилиума и знакомства Лу с крылатым кубинцем.

Касьянова не теряла время. Она встала как можно раньше и, пока Лу сладко спала, стала отправлять деловые письма профессорам, чтобы составить график проведения осмотра и консилиума. В ее планы также входило немедленное знакомство с Игорем, так как все действия и чувства Лу должны были снова быть под четким контролем Касьяновой.

Она приготовила роскошный завтрак. Сделала бутерброды с красной икрой. Приготовила салат с перепелиными яйцами, как любит Лу. На скорую руку сделала шарлотку, обильно

посыпала ее сахарной пудрой. Лу была в восторге. Она пила кофе из любимой фарфоровой чашки с золотым ободком и улыбалась Алле:

– Мы теперь все время будем так счастливы. Правда, Ла?

– Конечно.

Лу засмеялась. Она чувствовала, как крылья были готовы вырваться наружу от удивительной прекрасной светлой радости. «Она светится от счастья», — подумала Алла и тоже засмеялась. В этот момент в квартире раздался звонок.

– Ты кого-то ждешь? – спросила Лу.

– Нет, – ответила Алла и пошла в коридор. – А ты никого не ждешь? Ты не дала Игорю адрес?

– Не дала.

В квартиру вошли сотрудники полиции. Они предъявили Касьяновой ордер на обыск и сказали, что пришли забрать Лукерью Васильевну Золотову.

– Интересно, на каком основании?! – Алла была в шоке и говорила на повышенных тонах.

– Лукерья Золотова подозревается в убийстве!

Глава 13. Шкаф

157-я ходила по кабинету, не находила себе места. Она была крайне расстроена, подавлена, рассержена. Все это время 157-я выполняла требования руководства Высочайшей Фармы, шла на любые эксперименты. Она даже позволила ввести в себя сыворотку дополнительной жестокости. После этого ее ногти стали превращаться в когти, а язык раздваивался, как у змеи. Но ее в очередной раз обманули, не перевели в другой сектор, оставили работать с подопытными пациентами. 157-я подошла к окну, в злобе с силой провела когтями по стеклу. Раздался скрежет, но коричневая пленка на стекле даже не поцарапалась.

– Не хочу всю жизнь провести здесь, с этими, с этими... — 157-я захлебывалась от обиды и гнева, не могла подобрать слово.

Она подошла к монитору, пощелкала кнопки, и на экране появилась комната Лу. Рыжеволосая пациентка сидела на кровати, держась за щеку и раскачиваясь.

– Что? Все еще болит зуб? – 157-я даже причмокнула от удовольствия. – Очень рада, что она все еще мучится.

157-я почесала когтем свое свиное щетинистое ухо, мерзко засмеялась и позвонила Стоматологу.

– Одна наша подопытная уже давно мучится с зубом.

– Приводите, — раздался хриплый мужской голос.

– У меня особая просьба. Вырвите ей зуб без наркоза и всякой заморозки. Пусть побольше помучается.

– Буду только рад, — хриплый голос мерзко засмеялся в трубке. – А наркоза-то все равно нет!

157-я взвизгнула и залилась громким булькающим смехом.

– Обожаю вас, — прохрипел Стоматолог, — вы такая озорница.

157-я хрюкнула от приятного комплимента и дала задание сотруднице 132 отвезти Лу к Стоматологу и быть с ней построже.

По закону Центра над пациентами было издеваться нельзя, но по факту – можно. Среди врачей и сотрудников негласно культивировалась жестокость. Поскольку врачи и сотрудники Центра тоже были бесправны и подвергались жестокому обращению со стороны высшего руководства, то с радостью и энергией отрывались на пациентах. На таких, как Лу или слипер, практически замурованных в выделенных им малюсеньких комнатухах-боксах.

Сотрудница 132 вела Лу к Стоматологу. Пациентка не задала ей ни единого вопроса, так как имитировала зубную боль и пыталась мысленно войти в связь с Романом. Но слипер не объявлялся. Лу сконцентрировалась и запоминала каждый коридор и поворот, по которым ее вели. Они подошли к толстой двери, напоминающей дверь сейфа из старых гангстерских фильмов. 132-я приложила карточку. Замигали лампочки. 132-я повернула тяжелую круглую ручку, и дверь медленно открылась. Лу ощутила болезненный удар в спину и вошла внутрь. Она была удивлена, что за этой массивной дверью оказался лифт. Он спустился вниз на три этажа. Когда они вышли, то оказались в длинном узком коридоре с гладкими стенами без единой двери. Лу испытала странное ощущение: данный коридор чем-то отличался от коридора, где она жила. Женщина сразу не могла понять, чем именно. Но потом до нее дошло. В этом коридоре был совершенно иной воздух. Вернее, здесь был запах настоящего воздуха из прошлого, а не его искусственный заменитель с разнообразными ароматическими добавками. Откуда же шел этот воздух? Лу застонала, взялась за щеку и сбавила шаг: ей было нужно осмотреться.

– Не тормози! – прикрикнула 132-я.

Лу шла медленно, внимательно осматривалась. На правой стене коридора она увидела чуть заметные прорезы в небольших решетках, практически сливающихся по цвету со стеной. Из этих прорезей шел воздух. Лу специально споткнулась и отлетела на правую стену. Ее пальцы быстро нащупали решетку с прорезями и ощутили прохладу, проникающую извне.

– Вставай, корова! – 132-я злобно пнула Лу.

– Зачем ты так? Ты не была такой злой.

– Рот закрыла! – 132-я заорала прямо в лицо.

– С каждым днем они становятся более жестокими и злыми, – в голове Лу раздался голос Романа. – Держись!

– Ты – здесь! Наконец-то! – мысленно ответила она. – На стене есть решетки. А там – воздух.

– Знаю. Там – свобода. В кабинете Стоматолога есть выход туда, в мир.

– Где он? Где?

– Выход находится в шкафу. Проникни туда и вылетай!

Лу с ужасом осматривалась: доисторическое стоматологическое кресло со сверлами прошлого века, щипцы, напоминающие орудия пыток, старые шприцы с толстыми иглами. То есть полное отсутствие современной аппаратуры. Стоматолог, сморщенный невысокий старичок, видел округленные глаза Лу, разглядывающей его владения.

– Да-да, сверхзвуковой аппаратуры здесь нет. И рентгена семь дэ тоже нет.

– Почему? Такие древние инструменты я видела только в фильмах.

– Кажется, у тебя от страха прошла зубная боль, – старичок зашелся хриплым смехом.

– Зуб болит чуть меньше, но болит. Но почему нет современной аппаратуры?

– Распределением любых средств, товаров и услуг теперь занимается Искусственный Интеллект. Ты не в курсе?

Лу покачала головой, с трудом переваривая информацию.

– Искусственный Интеллект захватил власть еще до катастрофы. Сначала все были очень рады. Всемирное счастье. Единение. А потом ИИ сошел с ума. В прямом смысле этого слова. – Старичок указал Лу на стоматологическое кресло. – Садись сюда и открой рот!

Он осматривал зубы Лу и продолжал говорить:

– У тебя настоящие зубы. Значит, ты не из богатых. Все богачи до катастрофы поставили себе импланты супернового поколения. На какой-то планете был обнаружен суперстойкий материал. Из него богачам сделали зубы. Они не портились. Не желтели. Вообще не ломались. Не было ни сколов, ни царапин. Этот ценный материал называется аэро-альфа. Из него богачи делали не только зубы, но и заменяли старые ребра и кости.

Стоматолог замолчал, взял молоточек, постучал по зубам Лу изо всей силы.

– Так какой из них болит? – спросил он и опять захихикал.

– Последний слева, сверху, — Лу решила пожертвовать зубом.

Стоматолог посветил фонариком в рот Лу:

– На вид здоровый, крепкий. И десна под ним в порядке. Ни красноты, ни воспаления.

И сильно болит?

– Ага.

Старичок залез пальцами в рот Лу, подергал зуб. Лу закричала специально громко.

– Не ори. Выдерну тебе зуб. Мне не жалко. Мне не привыкать. Я прежде хреново учился.

И меня после медучилища засунули в самую поганую глубинку. Лечить зубы там было нечем. И я их рвал всем подряд. Можно сказать, я лучший по этому делу. Хрясть – и нет зуба. А теперь меня, как лучшего спеца сюда определили. Ведь ничего не осталось. Ни современной аппаратуры, ни хороших лекарств, ни препаратов. Вот и вспомнили обо мне. Они там, наверху, обо всех знают, всех помнят.

– А где же этот материал – аэро-альфа? И куда исчезла вся медицинская аппаратура?

– Говорю же: Искусственный Интеллект сошел с ума. Что-то порушил, уничтожил. Что-то оставил. А потом – катастрофа. Полный хаос. Опять начинаем жить по-новому, с нуля. Так что решай. Либо терпи боль. Либо рвану тебе зуб без наркоза. Одним из этих щипцов. На выбор.

Стоматолог сморщился, хрипло засмеялся и с безумным видом продолжал философствовать о сошедшем с ума Искусственном Интеллекте, гибели человечества и бесполох существах, постепенно заменяющих традиционных людей. Лу почти не слушала его, разглядывала помещение. Здесь находилось целых три шкафа.

– Рома, здесь три шкафа! – мысленно сказала Лу. – В какой из них заходить? Где ты, Рома? Нужна твоя помощь.

Но слипер больше не отвечал.

Стоматолог взял в руки огромные щипцы и, не переставая посмеиваться, медленно подходил к Лу. Она нервничала, пыталась мысленно вызвать Романа, но все было напрасно. Она заметила связку электронных ключей, лежащих на столе, рядом со щипцами и инструментами. «Наверное, эти ключи открывают шкафы. Оглушить старикашку и найти нужный шкаф», – думала Лу. Она ждала, когда Стоматолог подойдет совсем близко. Тогда она ударит его лбом в лоб. Изю всех сил. А там – по ситуации.

Лу дернулась, но Стоматолог опередил ее и схватил за горло. У него оказались очень сильные руки, просто железная хватка. Лу этого совсем не ожидала, ведь он казался ей хилым старичком. Она открыла рот, чтобы глотнуть воздух. Стоматолог ослабил хватку и ловко залез рукой в рот пациентке. Он тащил зуб Лу, а ей казалось, что у нее вынимают мозг. Она заорала от нестерпимой боли, ее рот наполнился кровью. Стоматолог тоже заорал, подражая Лу и издеваясь над ней. Он держал в щипцах окровавленный зуб прямо перед лицом Лу. Она почувствовала, что вырубается, теряет сознание от боли. Лу услышала в голове слабый голос Романа, он что-то говорил про средний шкаф. Но все поплыло и завертелось перед глазами, и она погрузилась в темноту. Стоматолог похлопал ее по щекам, но Лу не приходила в сознание. Тонкая струйка крови стекала из ее рта.

– Ну и дерьмо, – пробурчал Стоматолог, взял электронные ключи и открыл один из шкафов. Он достал флакон с пульверизатором, побрызгал на нос Лу какой-то едкой жидкости, но она не пошевелилась. – Вот ведь дерьмо. Я устал, как пес.

Он еще раз побрызгал на Лу, но она по-прежнему не реагировала.

Она очнулась минут через десять. Стоматолога в комнате не было. Ее десна разрывалась от боли, голова гудела. Лу медленно приходила в себя. И тут она увидела, что левый шкаф был открыт. Она поднялась с кресла, подошла к шкафу, прислушалась – тишина. Лу чуть шире открыла дверцу шкафа и почувствовала какой-то знакомый запах. Это был запах табачного дыма. Женщина зашла в шкаф и пошла на свет впереди нее. На какое-то время Лу напрочь забыла о боли. Она прибавила шаг и от возбуждения и предчувствия свободы ощутила, как зачесалась и заныла спина. Лу остановилась, сдержалась, чтобы крылья не вырвались наружу. Она вышла на яркий свет и оказалась на балконе. Там курил стоматолог. Он сделал смачную затяжку и обратился к Лу:

– Очнулась? Полегчало?

Лу ничего не ответила. Она смотрела с балкона на синее небо с белыми пушистыми облаками, на яркое солнышко, светящее ей прямо в лицо. А под балконом прямо до горизонта простирался зеленый лесной массив. Лу находилась в оцепенении. Она задыхалась от счастья, от красоты, от встречи с долгожданной свободой.

– Я так и знала, что сейчас лето! – радостно обратилась она к Стоматологу. – Видите? Веснушки на моем лице. Почему же нас держат взаперти? Почему не выпускают?

– Не положено! – гневно произнес Стоматолог и выкинул с балкона хабарик. – Ну-ка, поворачивайся! Идем обратно!

Но Лу уже снимала с себя оранжевую толстовку и издала гортанный звук, похожий на боевой клич. Она выпустила крылья, взмахнула ими и полетела прочь с балкона.

– Куда?! – заорал Стоматолог.

Лу звонко засмеялась и полетела навстречу свободе.

– Стой! – орал Стоматолог.

Лу еще сильнее взмахнула крыльями. Она решила оглянуться на прощанье, чтобы увидеть, к чему был прикреплен балкон. Но не успела. Она ощутила мощный удар, столкнувшись с невидимым прозрачным стеклянным куполом. Свобода оказалась имитацией. Лу падала вниз. Со всех сторон к ней бежали охранники. Старичок-стоматолог звонил 157-й:

– Ты ошиблась. У нее есть крылья. Мы вычислили ее.

Глава 14. Крылья

Лу слушала из кухни разговор между Касьяновой и сотрудниками полиции. Ее подозревали в убийстве Нади, жены Ожигова.

– Вы с ума сошли?! – раздался голос Аллы. – Этого не может быть! Не может быть – и все!

– Отпечатки пальцев вашей подопечной обнаружены по всей квартире жертвы.

Чудовищная действительность вторглась в волшебный счастливый сон Лу. Вывод был только один: улететь, улететь немедленно. Мозг Лу заработал, как четкий механизм, как компьютер. Она открыла окно на кухне, сняла футболку и перелетела на балкон своей комнаты. Лу быстро надела брючный костюм, в котором было удобно лететь. Бросила в сумку зарядку для мобильного и необходимые вещи. Надела самые удобные кроссовки, вернулась на балкон и полетела.

В светлое время суток летать было крайне опасно: она могла попасть в объектив камер наблюдения, ее могли увидеть люди. Любой человек мог снять ее на мобильник и выложить в интернет. Но опуститься с неба на улицу среди белого дня было еще опаснее. Лу было необходимо приземлиться в максимально безлюдной зоне, где-нибудь в лесу или в парке. Лу запомнила, что Игорь жил рядом с Измайловским парком, и сразу решила лететь туда. Естественно, она не знала, как туда лететь. Лу достала мобильник во время полета и построила маршрут. Телефон тут же зазвонил. Это звонила Алла по приказу полицейских. Лу не ответила. Она прекрасно понимала, что ее будут искать, и отключила геолокацию. Лу решила, что ни за что не попадет в руки полиции. Она читала тысячи раз, как убийства вешали на невиновных людей. Знала, как тяжело ей будет доказать свою невиновность, так как была уверена, что Валентин избавился от всех улик. Понимала, что не сможет объяснить в полиции причину своих тайных полетов в квартиру к Ожиговым. Ей никто не поверит. Если люди не верят друг другу и подтасовывают факты, то уж девушке с крыльями точно никто никогда не поверит.

Лу была права. Когда ее не обнаружили в квартире Касьяновой, тут же объявили в розыск. Следователь строил разные версии. Одна из них – «Крылатых людей создали как орудие убийства». Касьянова категорически отрицала подобные предположения. Она знала, что Лу рано или поздно выйдет с ней на связь. И теперь в целях безопасности было необходимо спрятать ее в клинике. И самим разобраться в том, что произошло на самом деле. И зачем она летала в квартиру к Ожиговым?

Лу осторожно опустилась на тропинку в безлюдной части парка и огляделась. Рядом никого не было, кроме смешных лесных птичек. Спускаясь на землю, она слегка повредила руку о ветку старой липы. Царапина была небольшой, и Лу просто зализала ранку. Она с детства не любила, когда мама и бабушка мазали ее порезы йодом или зеленкой, и всегда зализывала их. В старом заросшем парке на миг показалось, что она находится в лесу, недалеко от бабушкиного деревенского дома. От осознания, что ее родных больше нет в живых, у Лу защемило сердце. Хрустнула ветка. Она инстинктивно оглянулась – никого. Затем достала из сумки заколку, собрала волосы. Надела бейсболку, которую взяла из дома. Ей было нужно спрятать рыжие волосы. Лу нашла в мобильнике номер телефона Игоря. Она не хотела ошарашивать его рассказом о приходе полиции, но ей больше было некому доверять. Мечты о театре, о счастье, о прекрасной жизни разлетелись в пух и прах. Лу знала, что Валентин убил свою жену и будет рад все свалить на нее. Она была готова отказаться от театрального, но только не от жизни на свободе.

– Игорь, это я. У меня проблемы. Я в Измайловском парке. Но не знаю, в каком именно месте. — Лу шла по тропинке, говорила по мобильнику.

– Что ты видишь перед собой?

– Я в лесу.

– В какой вход парка ты зашла? С какой улицы?

Лу не могла ответить, что опустилась с неба. И тут она увидела, как между деревьями мелькнула вода.

– Здесь какой-то пруд, — сказала Лу.

Она подбежала к пруду и увидела надпись на камне: «Собачий пруд».

– Ясно, — сказал Игорь. – Встань лицом к пруду. Иди по дорожке налево. До асфальтовой дороги. Она тоже в лесу, между деревьев. Дойдешь до асфальта, поверни направо и иди до дороги, по которой едут машины. Дорогу не переходи. Стой там. Я выезжаю.

Когда Игорь приехал, Лу не знала, с чего начать разговор. И в итоге начала с самого начала – со своего рождения. Игорь держал ее за руку и слушал очень внимательно. Она не увидела в его взгляде ни испуга, ни отторжения. К любви и нежности в глазах Игоря добавилось искреннее беспокойство за судьбу девушки. Он осознавал, что не просто столкнулся с чем-то неведомым ранее, но теперь должен взять на себя ответственность за Лу. Взять ответственность или извиниться и немедленно уйти, расстаться с ней навсегда. Игорь вспомнил фильм про Кинг-Конга. Тот самый жуткий и печальный момент, когда люди убивают его, и у него сжалось сердце от жалости и любви к Лу. Игорь обнял ее:

– Я тебя не брошу. Никогда.

По лицу Лу текли слезы. Она снова была счастлива и снова ничего не боялась.

– Мы будем жить с тобой за городом. У нас там дом. Никто не живет. Родители перестали туда ездить. Поедем туда. А там посмотрим.

– Они будут искать меня.

– Не найдут. Если мы почувствуем опасность, убежим. Улетим. Спрячемся в другом месте.

– Игорь, ты должен поступать в театральный. Ты такой талантливый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.